

АЛЕКСАНДРА ШЕРВИНСКАЯ

ЗАГАДКА ЗАМКА ЭППЛ-ГРОУВ

Александра Шервинская
Загадка замка Эппл-Гроув

«Автор»

2023

Шервинская А.

Загадка замка Эппл-Гроув / А. Шервинская — «Автор», 2023

Добропорядочная молодая леди должна вовремя выйти замуж — это закон. Но что делать, если у всех нормальных девушек в приданом значатся титулы, деньги, драгоценности, в крайнем случае — сервизы и пуховые перины, и только я могу предложить будущему мужу в качестве сомнительного приза легендарный мрачный замок, в котором по ночам происходят всякие странные и пугающие вещи. Не спасает даже графский титул, идущий с нами в комплекте. С нами — это с замком и со мной. И тем непонятнее становится внезапный наплыв женихов, каждый из которых явно преследует свою цель. Знать бы ещё — какую.

© Шервинская А., 2023

© Автор, 2023

Александра Шервинская

Загадка замка Эпл-Гроув

1

1

Эф-Риссар, Малый императорский дворец
7 мая 1409 года от Последней Битвы (ПБ)

Маленькая невзрачная птичка сидела на нижней ветке старого дуба, выросшего в парке не одно столетие назад, и внимательно следила за красивой ярко-жёлтой бабочкой. Добыча неспешно перелетала с цветка на цветок, даже не подозревая, что её и без того коротенькая жизнь стремительно приближается к бесславному и преждевременному финалу. Бабочка была легкомысленной и совершенно не беспокоилась о собственной безопасности: да и что могло угрожать ей в этом великолепном саду таким чудесным солнечным днём? Цветы были яркими и ароматными, нектар сладким – что ещё нужно для счастья?

Стремительный короткий полёт, и вот уже только покачивающаяся головка цветка напоминает о ярко-жёлтой глупышке, которая так неосмотрительно порхала, нежась в горячих лучах полуденного солнца.

Птичка же, повертев головой и убедившись, что поблизости нет больше ничего, достойного внимания, слетела чуть ниже, туда, где ветки растущего неподалёку куста жасмина переплелись гуще всего, и стала прихорашиваться. Охота на бабочку немного растрепала мягкие серовато-коричневые пёрышки, которые теперь требовалось привести в порядок. Занятая этим, безусловно, важным делом, птичка не замечала, что за ней уже несколько минут пристально следят прищуренные зелёные глаза.

Рыжий кот с украшенной боевыми шрамами мордой был опытным охотником и, застыв и почти не дыша, дождался нужного момента, мохнатой ракетой взвившись с места. Ощущение трепещущего тельца под когтистой лапой сполна вознаградило его за долгие минуты ожидания. Стряхнув с усов невзрачные коричневатые пёрышки, кот, едва заметно прихрамывая на правую переднюю лапу и подрагивая хвостом, неспешно пошёл по посыпанной песком парковой дорожке, не предвидя ни малейшей опасности от шествующего ему навстречу толстого усатого стражника.

Жаркое солнце пекло невероятно, и капитан замковой стражи жутко потел в форменной кольчуге, которую какой-то идиот-чиновник внёс в перечень одежды, обязательной для ношения во время дежурства на замковой территории. Капитан и без неё еле дышал из-за нетипичной для конца мая жары, и дополнительные полпуда, которые он вынужден был таскать на себе, ничуть не улучшали его настроения. Ободранный рыжий кот, на которого в другой день капитан вообще не обратил бы внимания, сегодня вызвал необъяснимый приступ агрессии. Пнув ни в чём не повинного зверя подбитым железом сапогом, стражник сплюнул и хмуρο потопал дальше.

Ему вслед смотрели двое мужчин, сидевшие на скамейке в увитой зеленью беседке и оставшиеся незамеченными. Старший, которому на вид можно было бы дать лет сорок, усмехнулся в аккуратно подстриженные ухоженные усы, наверняка знакомые с руками и ножницами опытного и дорогого парикмахера.

– Вот тебе, мой юный друг, суровый закон жизни во всей его неизменности и ясности: всегда найдётся тот, кто сильнее тебя и для кого ты даже не помеха, а так – мелкая неприятность. Ну или добыча, объект охоты, источник белков, жиров и минеральных веществ. Какой вывод ты должен сделать из этого поучительнейшего зрелища, мой мальчик?

– Нужно стремиться к тому, чтобы быть на самом вершине этой пирамиды, – уверенно ответил ему молодой человек, чьи тонкие черты лица и изящные кисти рук недвусмысленно указывали на его аристократическое происхождение.

– Ты абсолютно прав, Фаруз, – удовлетворённо кивнул старший, довольный взглядом на юношу, – каждый сам решает, кто он: бабочка, птичка, кот или стражник...

– Я стану тем, кто будет стоять на самой вершине, и надо мной не будет никого кроме Пятикрылого, – в тёмных глазах молодого человека вспыхнули и тут же погасли багровые искры, – а ты мне поможешь.

– Помогу, – спокойно ответил его собеседник, – если и ты окажешь мне услугу

2

2

Рондэвиль, Гнездо Журавля

8 мая 1409 года от Последней Битвы (ПБ)

Последний мазок краски лёг немного неровно, и молодой человек в испачканной красками блузе художника недовольно покачал головой. Ему уже второй день не удавалось завершить начатую две недели назад картину: старинный высокий замок, стены, увитые плющом, луна, наполовину скрытая тёмно-лиловыми тучами.

Он отставлял полотно, говоря, что этот мрачный пейзаж нагоняет на него тоску, но снова и снова возвращался к нему, словно влекомый чьей-то волей. И вот сегодня он готов был наконец-то завершить эту работу: оставалось добавить лишь несколько штрихов, но кисть, как заговорённая, устремлялась куда угодно, но только не туда, куда хотелось мастеру.

Вот и сейчас, вместо того, чтобы запечатлеть лунный луч, упавший на затянутый тёмной ряской пруд, кисть дрогнула, и капля светло-зелёной краски попала на окно замка. Сразу создалось впечатление, что это в мрачной глубине каменной громады горит странный зеленоватый огонь.

Молодой человек задумчиво рассматривал полотно и даже не сразу заметил, как за его плечом остановился высокий, совершенно седой мужчина в серебристой накидке мага. Старик молча рассматривал злополучную картину, и постепенно в блёклых светло-голубых глазах начинало появляться понимание. Юноша обернулся и встревоженно спросил:

– Что с этой картиной не так, Кирэль? Она измучила меня, я не могу ни о чём другом думать – только о ней, об этом замке, который я никогда не видел, ни наяву, ни во сне. Я чувствую, что это не просто картина, но моего таланта и моих способностей не хватает, чтобы понять, что именно хотят сказать мне высшие силы?

– Когда ты взялся за это полотно, Лионэль? – мягко поинтересовался старый маг, но в глазах не исчезала, а только ярче разгоралась искра беспокойности и даже страха, – почему вдруг тебе в голову пришёл именно этот сюжет? Ты ведь никогда раньше не тяготел к пейзажам, особенно таким мрачным. Этот замок тебе приснился?

– Нет, я ещё раз уверяю тебя, что никогда не видел этого места. Я бы обязательно его запомнил, оно наполнено какой-то силой, которая чужда мне, но она настолько велика, что я не смог бы не обратить на неё внимания, понимаешь?

– Конечно, понимаю, – вздохнул старый маг, – хотя предпочёл бы сделать вид, что это не так. Но никто из смертных или бессмертных не выбирает, в какое время ему жить.

– Ты, как всегда, говоришь загадками, – огорчённо вздохнул юный художник, – и я совершенно не понимаю, что ты имеешь в виду.

– Нам нужен твой отец, Лионэль, – маг решительно повернулся и быстрым шагом, удивительным для человека его возраста, пошёл по галерее. Молодой живописец бросил последний взгляд на картину, на клубящееся мрачными тучами небо, на призрачный зелёный огонь, и, вздохнув, отправился вслед за тем, кого назвал Кирэлем.

В огромном светлом зале, стены которого словно были сплетены из ветвей со светлой серебристой корой, старый маг и юноша остановились и терпеливо принялись ждать, когда мужчина, сидящий за столом, обратит на них внимание.

– Что стряслось такого невероятного, что ты, позабыв былые обиды, решил посетить меня, Кирэль, – оторвавшись от свитка, поднял голову тот, чьё мнение они хотели услышать, и в лучах вечернего солнца сверкнула корона, – да ещё и вместе с моим сыном?

– Ты прав, владыка, – сдержанность давалась старику нелегко, и его голос предательски прерывался, – наступает время, когда нужно забыть старые ссоры. Избранный должен отправиться в путь, и это Лионэль, владыка. Твой младший сын.

3

3

Село Крапивная Балка, тренировочная база Лиоррского военного корпуса

10 мая 1409 года от Последней Битвы (ПБ)

– А я такой ей говорю, мол, ну а чего такого-то? Дело молодое, жалко время упускать, а господин мэр, ну, супруг ваш, говорю, уже мышей-то не ловит, так сказать, – тут рассказчика прервал громкий хохот, – вот же вы какое дурачье недоверчивое... Так и было всё, чтоб мне следующей увольнительной не видать!

– А тебе её и так не видать, ты вчера Вильгельму поспорил, – сквозь новый взрыв хохота прокричал кто-то, – так что, Берти, ври да не завирайся...

– Да не вру я, – возмутился рассказчик и обратился к трактирщику, – ну, Генри, ты-то можешь подтвердить, что так и было всё, как я говорю...

– Не впутывайте меня в ваши споры, сами разбирайтесь, – отговорился толстый трактирщик, с усмешкой протирая и без того достаточно чистую для деревенского трактира стойку, – а вот ежели кто хочет доказать, что всегда правду говорит, то есть средство...

Тут он многозначительно замолчал, посматривая на посетителей: заинтересовались ли. Ну а как же... Военному человеку на отдыхе только намекни на интересную историю – до утра слушать будет.

– И что же это за средство? – за всех спросил разговорчивый здоровяк по имени Альберт или, как звали его все, Берти, – начал, так рассказывай, Генри, не томи.

Остальные поддержали говорившего одобрительным ворчанием, а трактирщик с намёком посмотрел на бочку с пивом. Проследив за его взглядом, слушатели, слегка повозмущавшись для порядку, заказали ещё по кружечке, «чтоб слушалось лучше», как пояснил всё тот же Берти. Генри откашлялся и, облокотившись на стойку, начал, таинственно понизив голос:

– Старики говорят, что есть где-то старинный замок – не замок, дворец – не дворец, в общем, место, где сбываются все мечты. Ну да речь не про само это место, а про то, что ведёт к нему призрачный мост, который виден только раз в году, и начинается он, – тут Генри сделал многозначительную паузу, а зрители затаили дыхание, – от нашей околицы... вот в аккурат сегодняшней ночью, в канун Дня святого Игнатия-правдолюбца. Если ты правду говоришь всегда и не обманываешь людей ни в большом, ни в малом, то можно по этому мосту пройти, и тогда окажешься в том самом месте. Там все-все твои мечты и сбудутся разом. О как!

– Да где ж такого человека сыскать, чтоб всю жизнь только правду говорил? Порой только ложь и спасает... Не, таких людей не бывает, – махнул рукой один из солдат и припал к кружке.

– Ну, ложь-то во спасение небось не считается, – возразил ему другой, – да и потом, человек и сам правды может не знать, так что соврёт без злого умысла.

– А ты сам-то ходил? – спросил кто-то трактирщика, и публика громыхнула смехом.

– Работа у меня не та, – ухмыльнулся в усы Генри, довольный, что история понравилась публике, – а вот Берти... А где он, кстати, не видал никто? Куда ушёл-то... вот беспокойный...

Альберт тем временем стоял возле слегка покосившегося частокола на краю деревни и, не веря своим глазам, смотрел на исчезающий в невесть откуда взявшемся тумане узкий мост, уходящий в белёсую мглу.

4

4

Графство Мабридж, поместье Эппл-Гроув,
11 мая 1409 года от Последней Битвы (ПБ)

– ... даже слышать об этом не желаю, поэтому будь так любезна – придумай другую тему для беседы, – надтреснутый, какой-то хрупкий и ломкий голос принадлежал моей обожаемой тётушке, сидевшей с неизменным вязанием в удобном плетёном кресле. Оно было поставлено на террасе таким образом, чтобы сидящему открывался дивный вид на огромный старый, но ухоженный яблоневоый сад, сейчас напоминающий опустившееся на землю душистое белорозовое облако. В ароматной цветочной пене умиротворённо жужжали деловитые пчёлы, а ветер иногда подхватывал оторвавшиеся лепестки и кружил, унося в бесконечную синеву неба.

– Но, тётя Маргарет, доктор Бломбсбери сказал, что поездка к морю укрепит твоё здоровье и поможет безболезненно пережить сырое и холодное время года, – мне приходилось говорить чуть громче, чем пристало благовоспитанной барышне. В отличие от тётушки, я находилась в комнате и накрывала на стол к дневному чаю, отказаться от которого, как вы понимаете, истинная леди не может ни при каких обстоятельствах.

– Дорогая моя, слова «безболезненно» и «пережить» в моём более чем почтенном возрасте звучат почти издевательством, тебе так не кажется? – добродушно усмехнулась моя пожилая родственница и с трудом повернулась к стеклянной двери, через которую на террасу пробиралась я, осторожно толкая впереди себя изящный чайный столик на колёсах, – Кэтрин, ты снова не поставила сахарницу?

– И не поставлю, – совершенно невозмутимо ответила я, не обращая внимания на недовольно нахмурившуюся тётушку, – доктор во время последнего визита строго-настрого велел тебе воздерживаться от сладкого, забыла? Поэтому к чаю накрывала я, а не Бетси, которая уж наверняка умудрилась бы припрятать для тебя под салфеткой пару кусочков сахара. Не так ли, Бетси?

Тут я чуть повысила голос, и из комнат донеслось недовольное ворчание, суть которого сводилась к тому, что все эти доктора только и думают о том, как бы испортить жизнь хорошим людям. Ведь каждому известно, что от кусочка-другого сахара или розетки знаменитого здешнего яблочного варенья никому вреда не было, нет и быть не может.

– И это всё? – старая леди скептически оглядела столик, на котором разместились чайничек, две фарфоровые чашки, молочник, маслénка, тарелочка с ещё тёплыми тостами и блюдец с сыром и ветчиной, – что, даже джема помирающей тётке пожалела?

– Тётушка, – я позволила, чтобы в моём голосе послышался лишь мягкий упрёк, хотя иногда упрямство единственной родственницы, несмотря на всю мою любовь к ней, вызывало дикое раздражение, – ну ты же сама прекрасно понимаешь, что я поступаю правильно, просто не можешь со мной не спорить. И от замечательного морского путешествия тоже отказываешься исключительно из упрямства: ты вполне можешь себе позволить эту поездку.

– Ну конечно! И оставлю тебя одну практически на год, а ты, вместо того, чтобы заниматься тем, чем и положено благородной леди твоего возраста: ездить по балам, флиртовать с молодыми людьми и присматривать подходящую партию, – станешь тратить бесценную юность на счета, договоры, финансовые отчёты и скандалы с рабочими. Тебе не кажется, что с моей стороны это будет, мягко говоря, не по-родственному?

– Нет, не кажется, – невозмутимо ответила я, наливая в тётушкину чашку ароматный напиток с еле заметными нотками корицы и бергамота и добавляя молока, – ты же знаешь моё отношение ко всем этим развлечениям. То, чем ты меня стараешься напугать, привлекает

меня гораздо больше, нежели поиск, как ты выразилась, «подходящей партии». Да и потом, я не уверена, что эта самая «подходящая партия» отыщется: как-то я не вижу возле наших ворот очереди из вменяемых желающих жениться на мне. Кому нужна такая невеста или супруга, как я? Ни нормального приданого, ни уживчивого характера, ни связей – ничего.

– Ты не права, Кэтрин, – пожилая леди сурово нахмурилась и сердито взглянула на строптивую племянницу, то есть – на меня, – древность рода Мабриджей, пусть очень дальнее, но родство с короной и графский титул никто не отменял. Да и бесприданницей тебя уж точно нельзя назвать: Эппл-Гроув всегда будет твоим, как бы ни повернулась судьба, это зафиксировано во всех документах. Только ты, твой супруг и ваши прямые потомки могут владеть им.

– Тётушка, я же не спорю, но тот, кого интересует исключительно моё приданое или титул, а не я сама, никогда не услышит от меня «да», даже если сумеет каким-то загадочным образом завлечь меня к алтарю.

– Всё о любви мечтаешь? – скептически хмыкнула тётушка Маргарет, глядя на то, как я задумчиво выбираю кусочек сыра, – вот так и женихов перебираешь, как этот сыр. Любовь хороша только в романах, девочка моя, и как только ты это поймёшь и примешь суровую реальность, тут же всё и наладится. Кэтрин, ты же не можешь не понимать, что замку наконец-то уже нужен хозяин, а тебе – надёжная поддержка и защита. Ты смелая, умная и красивая девушка, никто не сомневается, – но тебе не справиться с Эппл-Гроув одной. Это ноша не для одинокой юной леди. Да и сколько можно хозяйке жить в гостевом доме?

– Я не одна, – возразила я, отчаянно стараясь, чтобы в голосе не прозвучало даже тени той неуверенности, которая мучила меня постоянно и заставляла по полночи смотреть в потолок, пытаясь прогнать мрачные мысли, – у меня есть Хатч, который прекрасно управляется со всеми делами, а за этот злополучный замок он кому угодно горло перегрызёт и даже не поморщится.

– Но мистер Хатчинсон не уберёжет тебя от лихих людей, если вдруг им придёт в голову, что Эппл-Гроув нужен другой, более сильный хозяин, – тётушка сердито поджала бледные губы, – он и сам поляжет, защищая замок, и тебя не спасёт.

– Ну а твоё присутствие, конечно, меня уберёжет, – я не смогла сдержать ехидства, – эти самые «лихие люди», увидев тебя, сразу испугаются и разбегутся.

– Так я не о себе и говорю, – не менее иронично ответила тётушка, – а о том, что замку, да и тебе, кстати, необходима твёрдая мужская рука.

Этот разговор в той или иной форме повторялся у нас практически ежедневно уже в течение трёх недель, с тех самых пор, как семейный доктор, господин Бломбсбери, осмотрев тётушку и послушав её кашель, в категорической форме потребовал, чтобы ближайшую осень и зиму она провела в другом климате, лучше всего – у тёплого моря. Иначе он ни за что не ручается, так как осень обещают на редкость ветреную и дождливую, а зиму – сырую, мало-снежную, с резкими перепадами температур, мокрым снегом и ветрами.

Тётушка, естественно, отнеслась к прогнозу доктора крайне скептически, заверив его, что прекрасно прожила без всяких морских путешествий почти семьдесят лет и рассчитывает прожить ещё столько же. В ответ на это доктор Бломбсбери заверил её, что с таким состоянием лёгких и сердца, которые он может сейчас наблюдать, он не даст ей не то что столько же, а гарантирует, что тётушка не увидит следующую весну.

Я безоговорочно приняла сторону доктора, так как не могла не замечать, что кашель леди Маргарет становится сильнее, дыхание – тяжелее, а приступы усталости – продолжительнее.

Конечно, во многом она была права: с восстановлением замка мне одной справиться будет не просто сложно, а практически невозможно. Никто из местных туда идти не согласится, а приглашать всех работников из других мест – никаких денег не хватит.

Хотя для приведения замка в надлежащий вид средств было более чем достаточно: мой дальний родственник (настолько дальний, что я никогда о нём раньше даже не слышала) пять лет назад, когда я ещё жила за сотни миль от Эппл-Гроув, оставил замок и все прилегающие

территории почему-то именно мне, положив деньги для ремонта на отдельный счёт. И сумма на этом счёте была более чем внушительная, но к ней прилагался документ, согласно которому я, по достижении второго совершеннолетия, могла брать оттуда средства, но исключительно для восстановления каменного монстра. Впрочем, с этим проблем и не возникло бы: от родителей мне досталось вполне приличное состояние, которого, с учётом того, что я живу не в столице и очень не люблю так называемую светскую жизнь, хватит не только мне, но и моим гипотетическим детям.

Передав тётушку с рук на руки верной Бетси, которая принялась уговаривать госпожу перебраться с солнечной террасы в прохладную комнату и подремать до обеда, я вышла на крыльцо и остановилась, задумчиво глядя отполированные тысячами прикосновений перила.

За яблоневым садом, цветущим в этом году, как никогда раньше, начиналась извилистая дорога, ведущая к замку. Когда-то она, несомненно, была вымощена тщательно подогнанными булыжниками, но они уже давно ушли в землю и лишь кое-где выпирали из пыльной травы. По дороге практически никто не ездил и даже не ходил, так как нормальному человеку было абсолютно нечего делать в замке, к которому она вела.

Я спустилась по ступенькам гостевого дома, в котором мы с тётушкой жили уже пятый год, не имея ни возможности, ни желания перебраться в замок, и прошла по дорожке между цветущими яблонями, заодно размышляя о том, как справиться с предполагаемым урожаем. Местные яблоки были потрясающе вкусными и ароматными, но не очень, что говорится, «лёжкими» – быстро портились. Поэтому жители окрестных деревень не хранили их, а перерабатывали: знаменитое яблочное варенье из Эппл-Гроув славилось по всему королевству и даже за его пределами. Говорят, сама королева никогда не отказывалась от пирожков со здешним яблочным джемом.

Я, конечно, лично этим всем не занималась, во всяком случае, пока, но крестьянам традиционно позволялось собирать яблоки в огромном графском саду. Как владелица, я получала свой солидный процент от реализации плюс полный подвал всякой сладкой вкуснятины.

За такими яблочными размышлениями я не заметила, как прошла сад насквозь и оказалась в самом начале той самой старой дороги, которую рассматривала с крыльца. Она лениво сворачивала вправо, огибая холм, на котором, собственно, и высился знаменитый замок Эппл-Гроув, давший название всей округе. Или наоборот – замок когда-то давно называли в честь прославленных яблоневых садов, кто теперь разберёт, да и к чему?

Стараясь не споткнуться о выступающие булыжники, я неспешно шла по дороге, искренне надеясь, что лёгкой соломенной шляпки хватит, чтобы защитить меня от солнечного удара: жара нынче стояла совершенно не майская. Над головой басовито прогудел шмель, явно летящий в сторону цветника, который по моей просьбе был разбит под окнами двухэтажного каменного дома, где жили мы с тётушкой Маргарет.

Пять лет назад я, покинув пансион на три года раньше времени, приехала из северного Йоркфилда в Эппл-Гроув, так как обязана была официально вступить в права наследства. В этих краях люди благородного происхождения считались самостоятельными после первого совершеннолетия, то есть в шестнадцать лет. Единственное, чего они не могли делать – это распоряжаться финансами, такое право давалось только после второго совершеннолетия, то есть в двадцать один год. А выходить замуж, жениться, наследовать родственникам или открывать своё дело под поручительство старших – пожалуйста. Это на консервативном севере шестнадцатилетняя девушка никуда даже показаться без сопровождения не может, а здесь – практически полная свобода, ограниченная лишь законами, нормами морали и правилами поведения в обществе.

Из всех родственников у меня осталась только тётушка Маргарет, которая с удовольствием перебралась в более мягкий климат, объясняя это тем, что её старым костям холодно на севере, где зима длится почти полгода. На самом же деле она просто поехала со мной, так

как даже мысли о том, что любимая племянница поедет «в этакую даль» одна, не допускала. Я была ей за это искренне признательна, так как брать в сопровождающие предложенную стряпчим компаньонку, похожую на сушёную рыбину, мне ужасно не хотелось.

Почти месяц мы добирались до Эппл-Гроув, поскольку ехали не налегке, а с приличествующим благородным леди багажом. Замок встретил нас тёмными окнами, неприступными стенами, захламлённым холлом и пустыми комнатами. К счастью, увидев поднимающийся к замку экипаж, к нам быстро присоединился здешний управляющий по имени Мэйсон Хатчинсон, предпочитавший, чтобы его звали по фамилии, а ещё лучше – просто Хатч. Мы с ним, как ни странно, быстро нашли общий язык, а потом стали даже кем-то вроде приятелей, насколько такие отношения в принципе возможны между хозяйкой и управляющим.

В тот солнечный день именно он объяснил нам, что жить в замке совершенно невозможно, так как, во-первых, он достаточно давно стоит заброшенным, а во-вторых, заслуженно пользуется недоброй славой. Зато, утешил нас Хатч, чуть ниже, сразу за садом, есть прекрасный гостевой дом, в котором для нас найдётся всё необходимое.

Вот так мы с тётушкой Маргарет, её служанкой Бетси и моей горничной Анитой и поселились в гостевом доме, который за эти годы стал для меня родным. Родительский замок я помнила очень смутно, а пансион, в котором оказалась наряду с другими девочками из аристократических семей, чьих близких унесла «песчаная лихорадка», домом никогда не был. И только в Эппл-Гроув я почувствовала себя... на своём месте, словно всегда знала, что это – мой дом.

Все эти мысли и воспоминания неспешно проплывали в голове, пока я привычно шагала к замку. За эти годы я точно выяснила: от начала дороги до ворот, ведущих на территорию, ровно две тысячи шагов. Это по хорошей погоде, разумеется. Впрочем, сюда и пройти-то можно только в сухую погоду: в остальное время есть реальный шанс переломать ноги на скользких старых булыжниках.

Сейчас солнышко светило вовсю, под ногами ничего не хлопало и не скользило, так что ровно через положенные две тысячи шагов я остановилась перед ажурными коваными воротами, запертыми на солидный замок. Сбоку, за густым кустом шиповника, притаилась небольшая калитка, которой в прежние времена, видимо, пользовались слуги.

За створками просматривался замковый двор, сейчас густо заросший яркими одуванчиками и какими-то синими цветочками, название которых я никак не могла запомнить.

Нашарив в кармане ключ, я открыла недовольно скрипнувшую калитку и шагнула на территорию замка. За прошедшие годы я бывала здесь десятки раз и не уставала удивляться непередаваемой красоте серых стен, словно взлетающих в небо, стрельчатых окон, украшенных витражами в изящных переплётах, барельефам в виде растительного орнамента...

Наверное, когда-то в строительство замка вложили душу, сердце, мечты о большой и дружной семье, которой будет хорошо в этом защищённом от всех напастей доме. Но что-то пошло не так, и вот уже несколько десятилетий в замке никто не жил.

Я смотрела на выложенное редким золотисто-зелёным эф-риссарским мрамором крыльцо, широкую лестницу в тридцать пять ступеней и пыталась представить себе, как к дому снова начнут подъезжать экипажи, как на солнце опять засияет камень, отреставрированный умелыми руками. Сейчас же мрамор был почти не виден под слоем пыли и невесть откуда налетевших сухих листьев. В огромных вазонах, стоящих по бокам от входной двери и на каждой ступени парадной лестницы, не росло ничего, а ведь когда-то наверняка здесь пышно цвели белые или жёлтые розы, гармонировавшие с золотыми искрами мрамора.

И почему-то именно сейчас мне до боли в сердце захотелось, чтобы замок снова ожил, чтобы он наполнился голосами и смехом, засиял огнями в окнах и мягким светом фонарей в саду и на аллеях небольшого парка. Туда я тоже несколько раз забредала, но кроме запущенности и неухоженности ничего не обнаружила.

Потянув на себя тяжеленную дверь, я вошла в огромный холл, пустой и неуютный, и даже солнечный свет, проникавший сюда через огромные окна, казался бледным и каким-то болезненным. Ему не удавалось полностью разогнать тени, и они собирались в углах, под потолком, за изъеденными молью пыльными шторами.

Я прошла через холл, поднялась по слегка поскрипывающим ступеням, ведущим на второй этаж, прогулялась по огороженной резными деревянными перилами галерее, посмотрела на винтовые лестницы, по которым можно подняться в угловые башни, и тяжело вздохнула, представив себе объём предстоящей работы. О том, что творится в гостевом крыле или, например, в подвале, я старалась даже не думать.

Но с чего-то ведь придётся начинать и, скорее всего, мне практически сразу понадобится комната, в которой я смогу встречаться с поставщиками, различными официальными лицами, держать документы и счета. Не бегать же каждый раз через сад туда и обратно, да и не хотелось мне превращать дом в контору. Обустроиваем замок? Значит, все деловые вопросы будут решаться здесь же.

Требования у меня к такой комнате-кабинету были достаточно просты: это должно быть помещение на первом этаже, достаточно просторное и светлое, желательно с окнами, выходящими на подъездную дорогу. После почти получасового блуждания по первому этажу, во время которого я обнаружила множество всевозможных комнат, чуланов, дверей, лестниц, ведущих неизвестно куда, я поняла: для моих целей подходит одна-единственная комната. Раньше она, вероятно, служила своеобразным залом ожидания для посетителей или просителей, так как из мебели здесь были только многочисленные диваны и кресла. К сожалению, вся обстановка давно пришла в негодность, хотя несколько кресел я решила показать мастеру: вдруг их ещё можно восстановить?

Почему-то мне казалось очень важным сохранить хоть что-то из вещей, оставшихся от прежних хозяев замка, о которых я практически ничего не знала. Да и хотела бы узнать – так не у кого, так как даже верный Хатч ничего кроме сплетен и слухов рассказать нам с тётушкой не смог.

Несмотря на то, что и отец, и дед, и, кажется, даже прадед Хатчинсона работали в замке, сам Мэйсон уже не застал никого из владельцев, а всё, что знал – только то, что рассказывали старики. Мне, разумеется, все эти истории были жутко интересны, но верить в них категорически не получалось: всё же я родилась почти через полтора тысячелетия после того, как проигравшие в Последней Битве маги навсегда покинули наше королевство.

Говорят, раньше в каждом даже маленьком городке жили самые что ни на есть настоящие маги, которые своими умениями помогали людям, делали их жизнь интереснее, проще и удобнее. Но потом, как рассказывали официальные источники, верхушка магического ковена замыслила недоброе и стала настраивать народ против законной власти короля. И тогда правивший в те времена король Карл Отчаянный объявил магам войну, которую благополучно и выиграл. Выжившие маги покинули наше королевство и основали своё, причём не просто далеко от нас, а вообще – на соседнем континенте, видимо, чтобы уж наверняка.

В других государствах, например, в Рондэвиле или том же Эф-Риссаре, говорят, маги по-прежнему встречались и даже пользовались немалым уважением, но у нас никакой магии уже полтора тысячелетия не было. И не то чтобы магов у нас преследовали, нет, просто они сами старались обходить Истралию – так называлось наше королевство – стороной. Постепенно люди привыкли справляться только собственными силами, а истории о магах перешли в разряд сказок и легенд, которые так хорошо слушать зимними вечерами, сидя у камина.

Ходили, правда, слухи, что на самом деле всё было не совсем так, а точнее – совсем не так, и что маги не замыслили ничего дурного. Просто король в один прекрасный день решил, что магия людям ни к чему, и сам объявил ковену войну. Сторонников этой версии сначала было достаточно много, но, так как и тюрем в королевстве тоже всегда было более чем достаточно, то

вскоре рассказывать альтернативный вариант истории стало просто некому. Вот и я, например, будучи девушкой прагматичной и трезвомыслящей, в истории о добрых и замечательных магах верила с трудом. Впрочем, образ белого и пушистого монарха в моём воображении тоже как-то не очень складывался.

В те далёкие времена замка ещё не существовало, а на месте будущих яблоневого сада шумели густые леса и бродили хищные звери. Но, опять же исключительно по слухам, в чаще нашли приют маги, которые по тем или иным причинам не захотели покинуть Истралию. Они построили там нечто вроде скита, где занялись своими загадочными магическими делами, надёжно спрятавшись от окружающего мира. Но, как оказалось, у богов были другие планы, и человеческие поселения медленно, но верно стали оттеснять леса, освобождая целые большие куски. Люди спиливали вековые деревья, выкорчёвывали пни, перепахивали не знавшие плуга земли, оказавшиеся достаточно плодородными. Пшеница и рожь на них, правда, росли не слишком охотно, зато земля пришлась по вкусу плодовым деревьям, и за несколько десятилетий вместо леса возникли огромные яблоневые и грушевые сады.

Добрались люди и до скита, который уже, разумеется, был пустым и явно давно заброшенным. Ну, согласитесь, странно было бы предположить, что маги будут сидеть и ждать, когда до них доберутся старательные крестьяне. Сначала на месте полуразрушенного строения поставили дом, потом за десятилетия он оброс пристройками и значительно расширился, а когда земли передали моему далёкому-далёкому предку, он решил поставить на этом месте замок.

Золота, видимо, у предка было много, так как камень для строительства завозили аж из предгорий, до которых было не меньше пяти дней конного пути. Но, как говорится, у богатых свои причуды – крыльцо, вон, вообще из эф-риссарского мрамора сделано, а до Эф-Риссара добираться не одну неделю. В общем, замок возводили несколько лет, если не десятилетий, и с тех давних пор до недавнего времени в нём жили потомки первого графа Мабриджа.

Но около пятидесяти лет назад с замком начали происходить странные вещи: сначала всё графское семейство в полном составе, включая прислугу, никому ничего не объясняя, внезапно собралось и переехало в столицу, где и прикупило большой особняк. Тем самым Мабриджи продемонстрировали всем, что возвращаться не планируют ни в ближайшее время, ни когда-либо вообще. Всем рискнувшим поинтересоваться причинами объясняли, что это не касается никого кроме графской семьи и короны, которая тоже хранила загадочное молчание. Постепенно все успокоились.

В замке оставили отца Хатчинсона и пару слуг из тех, что не захотели бросать насиженные места. Потом местные жители стали замечать, что в окнах замка по ночам мелькают какие-то тени и загораются жуткие зеленоватые огни, а порой даже слышится страшноватое не то бормотание, не то завывание. А в последнее время крестьяне даже подходить к замку старались как можно реже, так как с каждым, кто забирался в заброшенное здание, потом начинали происходить неприятности: то ногу ломает человек, то скотина у него передохнет, то весь урожай яблок пропадёт из-за странной плесени. Причём у соседей, не лезящих куда не следует, всё в полном порядке: и фрукты, и живность... Как тут не поверить в тёмное колдовство? Ну и что, что магов давным-давно никто не видел и не слышал?

Наследники тоже не стремились посетить родовое гнездо, так что замок стоял, пугал крестьян и медленно разрушался. И вот пять лет назад появилась я, вызвав у местного населения сначала живейший интерес, а потом искреннюю жалость.

Немногочисленные соседи, регулярно навещавшиеся в гости, качали головами, вздыхали, всячески демонстрировали понимание и сочувствие, но помогать решительно отказывались. Где-то я их даже понимала: вот так поможешь по доброте душевной, а потом будешь собственные неприятности лопатой разгребать. А так – бережёного и боги берегут.

Так и жили мы достаточно спокойно, пока не приехал здешний стряпчий с напоминанием о том, что мне уже месяц как исполнился двадцать один год, следовательно, я могу начать распоряжаться финансами, оставленными для реставрации замка.

5

5

Эф-Риссар, Сантина, Старый порт

17 мая 1409 года от Последней Битвы (ПБ)

– Сорок восемь, сорок девять, пятьдесят... Всё, старик, мы в расчёте, забирай своё золото и давай сюда книгу, – мужчина в тёмном плаще с глубоким капюшоном, который позволял полностью скрыть лицо, завязал шнурок на увесистом мешочке и протянул руку.

– Нет, господин, погодите, не так быстро, – в голосе второго человека, тоже закутанного в плотный плащ, послышались какие-то неприятные дребезжащие нотки, – я тут подумал и решил, что пятьдесят золотых – это, пожалуй, слишком мало за такую ценную вещь. Приносите ещё столько же – и книга ваша, даю слово.

– А если я не соглашусь? – первый мужчина пожал плечами и спокойно убрал приятно звякнувший мешочек с золотом в карман плаща, – будешь нового покупателя искать? Но это же не алорский жеребец, на такую книгу ещё клиента найти надо.

– А вы, господин, за меня не беспокойтесь, – противно хихикнув, отозвался второй, – я свою выгоду не упущу, уж будьте уверены...

– Да мне как-то всё равно, знаешь ли, – мужчина поправил капюшон плаща затянутой в чёрную перчатку рукой и, поворачиваясь спиной к собеседнику, обронил, – прощай, глупец...

– Кто из нас глупец, мы ещё посмотрим, – прошипел тот, и в его руке серебристой рыбкой мелькнул нож.

Мужчина в плаще не обернулся, а просто сделал скользящий шаг в сторону и рукой поймал летящую в него смерть: нож словно завис в ночном воздухе, пропитанном запахом рыбы, гниющих водорослей и мокрого дерева, и бессильно упал в подставленную ладонь.

– Пятикрылый и все силы его, – ошеломлённо прошептал несостоявшийся убийца и медленно сделал шаг назад, стараясь не поскользнуться на мокрых досках, – магик...

– Ты стал быстро соображать, старик, – развернулся к нему мужчина в плаще, – но не думаю, что тебе это поможет. Вот ведь жадность человеческая... а ведь мог взять пятьдесят золотых, отдать гримуар и жить долго и спокойно. А теперь не будет у тебя ни золота, ни книги, ни жизни.

– Господин маг, прошу вас, давайте поговорим, – старик отступал, не видя, что идёт прямо к возникшей словно ниоткуда у него за спиной тёмной колышущейся колонне.

– Мы вроде как уже поговорили, разве нет? – издёвку в голосе мага невозможно было не услышать, – и договорились до того, что ты отказался от сделки. Да ещё и убить меня хотел... нехорошо-то как, нечестно, некрасиво...

– Демоны попутали, – хриплым, прерывающимся от страха голосом проговорил старик, делая ещё шаг назад, – я никогда больше... клянусь...

– Ну, разумеется, никогда, – кивнул маг, с холодным любопытством наблюдая, как тёмная колонна нависла над ничего не подозревающим стариком, – но на демонов не стоит напраслину возводить: они никогда с такой мразью, как ты, дел иметь не стали бы. Прощай, старик... скоро увидимся, только вряд ли ты этому обрадуешься.

С этими словами маг развернулся и только недовольно поморщился, услышав за спиной придушенный вопль, быстро заглушённый довольным сопением и чавканьем.

Подобрав с мокрого причала сумку, выроненную стариком, маг брезгливо вытряхнул её содержимое прямо на грязные доски. Поворошив носком сапога вываленные вещи, он с досадой проворчал что-то на языке, понять который сегодня смогли бы уже очень и очень немногие: того, что мужчина искал, среди вещей не было.

– Жадный мерзавец, – ни к кому конкретно не обращаясь, фыркнул маг, – то есть он и не собирался отдавать мне гримуар. Значит, теперь предстоит искать, где он его держал. Ох уж эти люди... Алчные и никчемные создания. Шахран, ты здесь?

– Здесь, повелитель, – дымная тёмная колонна возникла рядом с мужчиной, но и не думала нападать или вообще проявлять какую-либо враждебность. Наоборот, казалось, что она готова мягко обвиться вокруг мага и, словно гигантский кот, потереться о его ноги.

– Мне нужно знать, где это ничтожество спрятало книгу, но тебя не должны ни в чём заподозрить, поэтому – иди, – мужчина откинул капюшон, подставив свежему морскому ветру неожиданно молодое лицо, привлекающее внимание своей странной, диковатой красотой. Чётко очерченные чёрные брови, одну из которых пересекал старый шрам, светлые глаза, контрастирующие со смуглой кожей, тонкий хищный нос с горбинкой и татуировка плюща, скрывающая всю левую щеку и сползающая вниз по шее.

Погладив туманный столб, как ручного зверя, мужчина слегка подтолкнул его, и тот растаял в воздухе, словно его и не было. Сделав несколько шагов по пустынному причалу, молодой человек подошёл к валяющемуся на сырых досках телу, слегка толкнул его носком сапога и вздохнул. После того, как Шахран выпил старика, выудить хоть какую-то информацию будет непросто, но не покормить ургейса он не мог, тот и так слишком долго обходился мышами и зайцами.

Подхватив ставшее лёгким тело своего несостоявшегося убийцы на руки, мужчина легко сбежал с причала и свернул в сторону старых полуразрушенных рыбацких хижин, из которых давно ушли даже крысы.

Этот наименее развалившийся дом он присмотрел на всякий случай ещё вчера, когда старик назначил место встречи, и теперь уверенно шагал по неосвещённым тропинкам, которые когда-то давным-давно были даже вымощены камнями. Толкнув ногой дверь, он, слегка пригнувшись, вошёл внутрь, и, небрежно уронив свою ношу на земляной пол, аккуратно всё закрыл за собой.

Пять свечей по углам быстро начерченной пентаграммы, негромкий речитатив, капля крови в центр. Простые, давно знакомые и привычные действия: руки действовали почти автоматически. Тело старика – в центр, головой к верхнему лучу, тому, где самая большая свеча, чуть подправить линии, исключительно из любви к безупречности, – и готово. Мужчина поднялся, удовлетворённо посмотрел на результат своей работы и негромко произнёс нужное заклинание.

Тело убийцы вздрогнуло и медленно приняло сидячее положение: движения были дёрганными, резкими, словно неопытный кукловод бестолково дёргал за верёвочки.

– Я же говорил, что мы скоро встретимся, но тебе это не понравится, – холодно проговорил некромант, ибо никем иным молодой мужчина быть не мог, – я не отпущу тебя, пока ты не ответишь мне на вопрос. Чем быстрее ты сделаешь это, тем быстрее уйдёшь на перерождение, но только Пятилапый знает, что тебя там ждёт.

– Спрашивай, – проскрежетал мертвец, открывая пустые, уже ставшие бесцветными глаза, – и будь проклят...

– Прости, но тут ты существенно опоздал, старик, – недобро усмехнулся мужчина, и его лицо искривилось в презрительной гримасе, – тебя опередили лет так на полсотни, так что не сотрясай воздух. Где книга, которую я у тебя купил?

– Книга? – раздался прерывистый хрип, и только человек с недюжинной фантазией узнал бы в этих звуках смех, однако это был именно он, – ты просто очередной наивный дуралей. У меня никогда не было этого гримуара, я просто взял бы твои деньги и всё.

– Ты глупее, чем я думал, – глаза молодого человека полыхнули неистовой зеленью, – ты знаешь, что я могу сотворить с твоим посмертием?

– Если бы я знал, что ты проклятый некромант, я бы никогда и близко к тебе не подошёл, – прохрипел мертвец и попытался плюнуть в сторону поднявшего его, – но не повезло.

– Ты даже не представляешь, насколько не повезло... – зловеще прошептал некромант и сделал сложный пасс правой рукой, отчего сквозь землю, на которой лежало тело, постепенно стала просвечивать зеленоватая дымка.

– Что это? – прохрипел старик, задёргавшись внутри пентаграммы.

– Это ничто, – абсолютно спокойно ответил молодой человек, – это полное и бесконечное ничто. Оттуда нет пути ни на перерождение, никуда. Там нет ни Пятикрылого, безгранично милостивого и прощающего грешников, ни Пятилапого, бесконечно мудрого и столь же бесконечно жестокого. Это пустота...

– Нет, – в хриплом голосе старика послышался страх, хотя, казалось бы, чего мог бояться тот, кто уже мёртв, – только не туда, умоляю тебя... я всё тебе скажу...

– Где книга? – повторил свой вопрос некромант, прислушиваясь к чему-то, слышному только ему, – и поторопись, у меня очень мало времени.

– Она в замке, очень далеко отсюда, я и не собирался её никому продавать, это... это просто способ заработать, – торопливо проговорил мертвец, заискивающе склонив голову.

– Что это за замок? Где он находится? – нетерпеливо повторил молодой человек.

– Это в Истралии, очень далеко отсюда... Замок называется Эппл-Гроув... – старик замер, глядя на некроманта мёртвыми глазами, – гримуар там.

Молодой человек кивнул и одним лаконичным жестом отпустил призванного: тот мягко опустился на землю, став самым обыкновенным стариком, умершим, возможно, от какой-нибудь болезни или просто от возраста. Может быть, однажды его найдут стражники, которых за какую-нибудь провинность отправят патрулировать этот забытый всеми район.

– Значит, Эппл-Гроув... – задумчиво проговорил молодой человек, выходя из полуразрушенного дома и растворяясь в ночной темноте Сантины, столицы Эф-Риссара.

Эф-Риссар, Сантина, Малый императорский дворец

19 мая 1409 года от Последней Битвы (ПБ)

Яркое южное солнце заливало своим безжалостным светом узкие извилистые улочки и белые стены домов расположенного под холмом города, но на террасе императорского дворца было прохладно. Огромные платаны раскинули свои специальным образом подстриженные кроны и надёжно укрывали резное белоснежное чудо от жары.

Император задумчиво смотрел на разложенные перед ним листы бумаги, плотно исчерченные схемами, рисунками и таблицами. Придворный астролог замер у двери и старался не привлекать к себе высочайшего внимания, так как реакции на принесённый расклад предугадать не мог. Очень уж причудливо сплелись нити предсказания, обещая необычную судьбу, полную побед и страшных событий, а конец вообще уходил в неизвестные даже ему тёмные дали. Во всяком случае, расшифровка итоговых цифр, как её ни крути и ни разворачивай, выглядела абсолютной чушью.

– Что скажешь, Альфред? – император поднял на замершего на пороге астролога внимательный взгляд и жестом указал на диванчик напротив себя, – в ногах правды нет, к тому же я давно позволил тебе сидеть в моём присутствии.

– Это самый странный гороскоп, который я когда-либо составлял или даже просто видел, – признался старый астролог, покачивая головой, – асцендент и десцендент противоречат друг другу, но не так, как это бывает обычно, а лорда рождения...

– Альфред, прошу тебя, не утомляй меня этими терминами и непонятными конструкциями, – поморщился император Михаил V, жестом останавливая астролога, готового во всех подробностях объяснить расклад, – просто скажи своими словами, почему ты принёс это мне? И почему именно сейчас? Что изменилось за прошедшие годы в гороскопе моего сына?

– Изменилось то, – слегка недовольно из-за того, что ему не дали как следует развить любимую тему, ответил старый астролог, – что этот расклад, который я сделал вчера, абсолютно не совпадает с тем, который я делал двадцать пять лет назад. Словно бы речь идёт о двух совершенно разных людях. Если в гороскопе, составленном сразу после рождения принца Фаруза, большинство планет находилось в правой части, показывая, что основные события будут происходить во второй половине жизни, то во вчерашнем они волшебным образом переместились в центр и влево! Луны в третьем доме вообще не было, а сейчас она именно там...

– Так не бывает, – удивлённо приподнял брови император, – это знают все: судьбу невозможно изменить, на то она и судьба. Однажды начертанный путь неизменен, ибо это высшая воля, и не нам, смертным, противиться ей.

– Смотрите, ваше величество, – старый астролог склонился над листами, выбрал один и протянул императору, – видите, как спокойно и ровно идёт линия жизни? Достойная судьба воина и полководца, звёзды благосклонны к вашему старшему сыну, ваше величество. А теперь посмотрите вот сюда, – в руки императора перекочевал очередной лист, – видите? Линия ломается, сворачивается, скачет, как взбесившаяся лошадь.

– И что, тебя это так сильно беспокоит? – император нахмурился, всматриваясь в схемы и рисунки, – почему ты рискнул прийти ко мне? В конце концов – это всего лишь цифры и рисунки.

– Недавно принц Фаруз посетил меня со странной просьбой, – начал рассказывать старик, – он попросил ещё раз составить его гороскоп и посмотреть будущее, говоря, что ему было видение, хотя ваш сын никогда не был особенно чувствительной натурой и не демонстрировал восприимчивости к силам эфира. Но у меня было свободное время, звёзды стояли в правильной позиции, поэтому я не увидел причин для отказа. Но, сколько я ни подставлял данные Фаруза, сколько ни спрашивал звёзды и карты, – все они твердили, что судьба мальчика сделала крутой вираж и теперь пойдёт развиваться совершенно по иному пути.

– По какому? – невольно заинтересовался император, с любопытством глядя на рисунки, – от меня у тебя нет и не может быть секретов, Альфред.

– Ему предстоит дальний путь, а затем множество испытаний: его судьба в равной степени зависит и от Лунного Змея, и от Алого Ока... Обе эти звезды одновременно стоят у него очень высоко, что, как известно, невозможно в принципе, но оно – есть, я видел это своими глазами, ваше величество. И вы можете это увидеть, – с этими словами старик протянул императору следующий лист бумаги.

– Лунный Змей, – задумчиво проговорил император, глядя на рисунок, – звезда, которая светит лишь злодеям, предателям и убийцам. И Алое Око, ведущее к славе и освещающее путь истинным героям, способным на великую жертву. Как они могут стоять одновременно рядом?

– Я не знаю, ваше величество. В моей практике такое я наблюдаю впервые, – развёл руками старый астролог.

– Хорошо, Альфред, иди, я ещё приглашу тебя, а сейчас мне надо подумать, – император махнул рукой, отпуская верного слугу, который поспешил откланяться.

Император Михаил встал и медленно прошёл по террасе, остановился у резных перил и, не замечая красоты окружающего его пространства, невидящим взглядом смотрел куда-то вдаль. Его не радовали ни удивительные цветы и кустарники, высаженные вокруг любимой террасы, ни искрящиеся в солнечном свете вершины далёких гор, похожие на взметнувшиеся к небу зубцы гигантских сторожевых башен, ни стайка красавиц-фрейлин её величества, яркой бабочкой промелькнувшая на одной из аллей.

Император был уже немолод, но до старости и немощности ему было далеко: тело было по-прежнему сильным и крепким, ум острым и проницательным, а зеркало отражало достаточно привлекательного статного мужчину с густой ухоженной тёмно-русой бородой и серьёзными серыми глазами.

Император правил своей небольшой, но процветающей империей уже около двадцати лет и не собирался уступать трон никому: младшие сыновья были ещё детьми, а дочь, любимица и умница, станет супругой и помощницей, увы, не ему, а будущему королю Истралии, далёкого материкового королевства. Помолвка была заключена ещё десять лет назад, когда принцессе Анне исполнилось шесть, а наследнику истралийской короны Мартину – тринадцать.

Это будет союз, выгодный для обеих держав: расположенная по соседству с крупными государствами относительно небольшая равнинная Истралия обладала прекрасно развитой торговой сетью, а также могла похвастаться наличием на своей территории нескольких крупных золотых приисков и прекрасных лесов с редкими корабельными соснами. Кроме того, за последние несколько столетий королевский двор Истралии умудрился породниться с большинством влиятельных правящих домов, связав себя родственными узами не только с ближайшими соседями, но и со всеми стратегически важными государствами.

В свою очередь, Эф-Риссар был государством-портом, так как имел выход к двум морям и держал в руках почти все морские перевозки. В сочетании с торговыми талантами и международными связями истралийцев это давало прекрасные перспективы для развития обеих стран. Поэтому император Михаил в своё время благосклонно воспринял предложение истралийского короля Вильгельма о том, что партнёрские отношения неплохо было бы укрепить отношениями родственными. Помолвка была заключена, и все спокойно ждали, пока принцесса Анна достигнет брачного возраста.

Был, конечно, ещё и старший сын, которого родила Михаилу пленная халинская принцесса, с которой он никогда не состоял в официальном браке, но которую в своё время полюбил со всем пылом юности. Фаруз был его первенцем, и Михаил искренне любил мальчика, который никогда и не планировал бороться за трон, выбрав карьеру военного.

Что же заставило уравновешенного и здравомыслящего принца, всегда чрезвычайно скептически относящегося ко всякого рода мистическим вещам, до которых большой охотницей была его мачеха – королева Евгения, обратиться к астрологу?

Не желая пребывать в неизвестности, его величество велел пригласить к нему принца Фаруза и, ожидая сына, снова и снова просматривал принесённые астрологом бумаги. Лунный Змей и Алое Око... как эти взаимоисключающие звёзды повлияют на судьбу его старшего сына? За первенца он никогда не переживал, так как более рассудительного и спокойного юношу ещё поискать нужно.

Принц вошёл стремительно, быстро пересёк просторную террасу и замер перед отцом. Император с улыбкой смотрел на склонённую темноволосую голову, на фигуру воина, но не придворного, на изящную руку, уверенно лежащую на рукояти покоящейся в ножнах халинской сабли – единственного, что сын взял у материнской родни.

– Как твои дела, сынок? – император никогда не забывал, что он не только правитель, но и человек: муж, отец, брат. Семья и так прекрасно помнит о его статусе, а ему так иногда хочется побыть просто обычным мужчиной, – я хотел с тобой поговорить.

– И я хотел, отец, – Фаруз вскинул голову и сверкнул тёмными глазами, – но готов выслушать сначала твою волю.

– Успеется... О чём ты хотел поговорить? – спросил император, внимательно наблюдая за сыном, невольно пытаясь отыскать следы тех перемен, о которых говорил старый астролог.

– Я хотел просить, чтобы вы отпустили меня в Истралию, отец.

Император ожидал чего угодно, но не этого: зачем принцу, пусть и ненаследному, отправляться в богатую, но такую далёкую Истралию? Фаруз никогда не проявлял интереса ни к торговле, ни к политике, а больше в этой Пятикрылым забытой стране учиться нечему.

– В Истралию?! Зачем? – изумление Михаила было настолько искренним, что принц улыбнулся: незачем отцу знать, что ведёт его в далёкую страну на самом деле. Ни к чему императору сведения о том, что его старший сын изменился и готов рискнуть и начать свою соб-

ственную игру. И неважно, что сторонников у него пока почти нет: они появятся, как только он добудет то, что необходимо его наставнику. А тому нужна какая-то древняя книга заклинаний. Сам Фаруз магией не владел, но к тем, кого Пятикрылый одарил своей милостью, относился с почтением и уважением. И, если наставнику нужна книга, – он её добудет, даже если для этого придётся проехать половину континента. Цель оправдывает цену в данном случае.

– Я хотел бы посмотреть на страну, в которую чрез год уедет Анна, – сказал Фаруз, и в его глазах была видна только забота о младшей сестре, – я ведь старший, кто ещё посмотрит? Вы не можете оставить Эф-Риссар, отец. А я вполне могу, заодно мир посмотрю... Да и матушку Евгению успокою – а то ведь беспокоится она о единственной дочери. Вы не станете возражать?

– Не стану, – император почувствовал, как сердце наполнилось благодарностью по отношению к Фарузу: беспокоится о сестре и мачехе, готов совершить такое дальнейшее путешествие ради спокойствия семьи. Какой всё же добрый и славный мальчик вырос... Растроганный Михаил даже забыл, что хотел поинтересоваться у сына, что за видение ему было... какое тут видение, когда сын стал взрослым...

– Благодарю вас, отец... Тогда я отдам распоряжения и начну готовиться к поездке, – поклонился Фаруз и быстро покинул террасу. И лишь тот, кто внимательно смотрел бы принцу в глаза, заметил бы, как в их глубине на мгновение вспыхнули багровые искорки. Или это солнце так сверкнуло?...

Сельдяное море, шхуна «Золотая чайка»

30 мая 1409 года от Последней Битвы (ПБ)

Принц Фаруз стоял на палубе и задумчиво смотрел на бескрайнюю морскую даль: это оказалось невероятно полезным и приятным занятием. Ничто, как выяснилось, так не успокаивает мятущееся сердце и растревоженную душу, как созерцание бесконечного синего простора, кое-где вспыхивающего на солнце белоснежными гребешками волн.

Шхуна плавно скользила по волнам, иногда сыто переваливаясь с боку на бок, паруса хлопали, ветер трепал волосы: может быть, вот оно – счастье? В любом случае, даже при благоприятном ветре, плыть предстояло ещё несколько дней, и принц планировал полностью посвятить их неспешным размышлениям и медитации. Неизвестно, как сложится дальше его судьба, поэтому нужно использовать малейшую возможность для спокойного и умиротворяющего отдыха. Набраться сил, успокоиться, продумать план действий.

Наставник остался в Эф-Риссаре, и принц постепенно привыкал к чувству свободы и отсутствию постоянного контроля. С одной стороны, это было непривычно и порой страшно-вато – когда не у кого спросить совета и, главное, получить его. С другой – как же это было восхитительно: знать, что никто не контролирует каждый твой шаг, что решения принимаешь только ты сам. Страшно? Конечно! Но в то же время – прекрасно.

Принц никогда не был изнеженным домашним мальчиком: ещё в раннем детстве он выбрал для себя путь военного, хотел стать опорой отцовского трона, его поддержкой, надёжным тылом. И воспитывали его должным образом: основные науки, стратегия, тактика, владение различными видами оружия, всевозможные виды борьбы. Даже основы боевой магии преподавали, но принц не чувствовал в себе ни способностей, ни желания развиваться в этом направлении. Трон? А зачем? Во-первых, отец, слава Пятикрылому, здоров и полон сил, во-вторых, принц прекрасно знал, какая это страшная ответственность – быть правителем, и не стремился к короне.

Так было до тех пор, пока в его жизнь не вошёл наставник Шару. Его пригласили к принцу в качестве преподавателя истории и мироописания, но постепенно, несмотря на существенную разницу в возрасте, Шару стал самым близким другом и советником юного Фаруза. На любой, самый странный и нелепый вопрос он отвечал вдумчиво и подробно, постепенно приоткрывая перед юношей мир, стоящий за той красивой ширмой, которую видят все. Фаруз начинал понимать, что за каждым важным событием, будь то открытие нового материка, война между

двумя государствами или заключение династического брака, стоят не видимые никому кроме посвящённых переговоры, интриги, разрыв старых договорённостей и заключение новых. И юноша постепенно осознал, что на самом деле правят не короли, не императоры, а те, кто умело дёргает за нужные ниточки.

Сначала он хотел держаться подальше от всей этой закулисной грязи, но наставник так умело и грамотно подводил принца к нужным выводам, что Фаруз постепенно всё внимательнее слушал Шару и всё реже возражал ему.

И тогда наставник пустил в ход последнее оружие: месяц назад он рассказал Фарузу о том, что его мать, халинская принцесса Аляят, была родом из древнего магического клана, который когда-то давно держал в руках жизнь всего континента. Об этом все благополучно забыли, но может ли он, как наследник Аляят, последний в роду древних магов, позволить людям позабыть о великих халинских правителях?

Фаруз тогда долго молчал, но потом спросил, почему же он не чувствует в себе магии, если он потомок таких мощных сил? И наставник объяснил, что мать, оберегая сына, закрыла его магию мощным заклятьем, снять которое можно, но очень и очень непросто. Нужны специальные заклинания, но наставник, увы, их не знает...

Где можно найти? О, это не так уж и невыполнимо: есть один замок, правда, не в Эф-Риссаре, а далеко, в Истралии, в подвалах которого спрятана часть древней библиотеки. И там есть книга, в которой много интересных заклинаний и описаний ритуалов, в том числе и нужный Фарузу. Почему не забрали? А никак... Войти в замок можно только по приглашению хозяйки. А ещё лучше – самому стать хозяином, так как библиотека – не единственное, что есть ценного в этом замке. Сам Шару пробовал, но у него не получилось – нет ему хода в Истралию. Почему? Это долгая история, не имеющая отношения к сегодняшнему разговору...

Все эти воспоминания проплывали в голове Фаруза, пока он стоял на палубе самой быстрой шхуны, которая только была в портах Эф-Риссара. Юноша направлялся в Истралию, в замок со странным названием Эппл-Гроув...

Внезапно с кормы послышался мягкий гитарный перебор, и красивый мужской голос негромко запел:

Не к тебе ли я спешу во сне,
Не к тебе ли наяву скачу...
К той, что тихо плачет в тишине,
Глядя на дрожащую свечу.
Я совсем не юный рыцарь твой,
Но покоя не ищу пока
Сединою битой головой,
Той, что гладила твоя рука.
Меч остынет в ножнах, отдохнёт
От боёв за призрачную даль.
Сколько мыслей он прервал полёт...
Ночь его остудит и февраль.

Баллада лилась неспешно, вызывая в сердце мучительно-сладкий отзвук, и даже вечно занятые матросы замерли на своих местах, а боцман, обычно не терпящий никаких пауз в работе, сделал вид, что не замечает этого. Он и сам, прикрыв глаза, слушал негромкий голос и думал о своей непростой жизни, о том, что и его седая голова давно не знала нежных прикосновений любящей женской руки, что жизнь идёт к финалу, а что вспомнить-то...но он не жалеет.

На оставшемся куске пути
Нет преград и нет былых потерь.
Всё, что было, стоило пройти...

Вот твоя передо мною дверь,
Вот твои за ней слышны шаги,
Может не шаги, а просто шум,
Шутка разыгравшейся пурги...
Почему я жить теперь спешу?
Почему спешу теперь я жить?
Потому что у меня есть ты,
Как почти невидимая нить
К свету из холодной темноты.

Гитара всхлипнула в последний раз и замолчала, а Фаруз, очнувшись, неторопливо пошёл туда, где находился невидимый музыкант. Он увидел его, сидящего на бухте каната и обнимающего выдавшую виды гитару. Тёмные волосы, стянутые на затылке простой лентой в низкий хвост, смуглая кожа, очень светлые глаза и странная татуировка, стекающая со щеки куда-то вниз, по шее и на плечо.

– Это ты пел сейчас? – спросил принц, присаживаясь рядом, – спасибо... ты менестрель?

– Нет, – без улыбки качнул головой гитарист, – просто море наваяло, облака... так бывает.

– Я Фаруз, – принц протянул мужчине руку, которую тот пожал. Пальцы незнакомца были сильными, а пожатие крепким и решительным.

– Я Бэйл, – в свою очередь представился певец, – польщён вашим вниманием, принц.

– Ты знаешь меня? – брови Фаруза удивлённо выгнулись, – откуда? Я не слишком публичная личность.

– Я последние годы жил в Эф-Риссаре, в Сантине, так неужели же я не знаю в лицо старшего принца? – усмехнулся уголком губ Бэйл, – но вот на корабле увидеть вас не ожидал, ваше высочество.

– Просто Фаруз, – поморщился принц, – не нужно титулов, не люблю я их, если честно.

Принц смотрел на воду и не заметил, как внимательно взглянул на него собеседник и как сверкнули его глаза.

– А охрану-то куда растерял? – уже почти по-приятельски поинтересовался Бэйл, – в жизни не поверю, что принц в одиночку путешествует.

– На корабле где-то, – отмахнулся Фаруз, – со мной охраны-то... человек пять всего. Я же почти на прогулку еду: сестра моя, ты знаешь, наверное, за истралийского королевича замуж выходит через год. Вот я и решил проехаться, страну посмотреть, прикинуть – как там сестрёнке будет. По душе ли придётся. Я же, хоть и не наследник, но старший брат, и Анну люблю. А ты куда?

– Да тоже в Истралию, у меня там родственники дальние, говорят, наследство оставили – не пропадать же добру.

– А ты раньше там бывал? – Фаруз поудобнее устроился на бухте, – какая она – Истралия?

– Самому бывать не доводилось, но от других много слышал. Говорят, там очень красиво: реки, как серебряные ленты в волосах у красавицы, зелёные леса, что ковром стелются на многие мили, сады, равных которым, наверное, нет нигде в мире...

– Сразу видно, что ты поэт, – засмеялся Фаруз и неожиданно для себя добавил, – может, составишь нам компанию, вместе всяко веселее путешествовать, особенно по незнакомым местам.

– Мне путешествовать с принцем? – удивление Бэйла было практически не наигранным, – а что скажут твои сопровождающие?

– Я приглашаю тебя, – пожал плечами Фаруз, – и мне не слишком интересно их мнение, если честно.

– А куда ты сначала собираешься? Я планировал посетить столицу, Истру, решить дела с наследством, а потом направиться в сторону предгорий. Говорят, там очень красиво, самые весёлые девушки и самое вкусное яблочное вино.

– Так это же прекрасно! – радостно воскликнул Фаруз и спрыгнул с бухты, – мне как раз тоже надо сначала в столицу, а потом в сторону предгорий. Слушай, это просто счастливая случайность, что мы с тобой встретились, Бэйл!

– Несомненно, – усмехнулся гитарист и негромко добавил, но так, что никто его не услышал, – самая счастливая случайность – это та, которая тщательно подготовлена.

6

6

Рондэвиль, Гнездо Журавля

15 мая 1409 года от Последней Битвы (ПБ)

– ...и падёт на мир великая Тьма, – на последних словах голос читавшего заметно дрогнул, – и демоны придут из своего мира, и уничтожат всё, что несёт на себе отпечаток Света. И лишь Избранные смогут остановить маховик истории, если будут крепки духом и телом, смогут избежать соблазнов и предательства, найдут поддержку и опору.

Немолодой маг аккуратно закрыл толстую книгу с позолоченным обрезом и, не замечая ничего вокруг, машинально погладил шерсть такого же старого пепельно-серого кота, лежащего у него на коленях. Кот довольно жмурился и категорически не хотел ничего слышать ни о каких предсказаниях, пророчествах и прочей человеческой ерунде. Странные существа эти люди: сами создают себе проблемы вместо того, чтобы наслаждаться теплом горящего камина, вкусной едой и мягкой подушкой. Несмотря на то, что владельцем кота был маг, зверь никакими магическими способностям не обладал и всегда предпочитал уют и покой.

– Ну почему это произошло именно сейчас? – спросил Кирэль у кота, который, приоткрыв один глаз, ответил ему недоумевающим взглядом: мол, а я здесь при чём? – Не раньше, когда у меня было больше сил, или бы уже позже, когда... когда это была бы уже не моя проблема? Молчишь? – кот только басовито заурчал, словно демонстрируя своё пренебрежительное отношение ко всей этой суете, – да, верно я сказал сегодня: никто не выбирает, в какое время ему жить... и умирать. Я в том числе. Но понимаешь, дружок, мало найти Избранного, нужно наставить его на правильный путь, подсказать, помочь...

Сетования Кирэля перебил вежливый стук в дверь, и в ответ на приглашающее «открыто» в комнату вошёл юноша, при виде которого старый маг встал и вежливо поклонился.

– Лионэль, – Кирэль воспитывал младшего сына владыки с детства и поэтому мог позволить себе вольность в обращении с ним, – что привело тебя ко мне в этот поздний час?

– Прости, если нарушил твой отдых, – юноша с сожалением склонил голову, – но я пришёл, потому что не могу не задать некоторые вопросы. Когда мы были у моего отца, ты сказал, что я Избранный, и мне предстоит отправиться куда-то... Но ни ты, ни отец не захотели ничего мне объяснить, – на лице Лионэля отразилась неприкрытая обида, – хотя речь шла именно обо мне... Я решил поговорить с отцом, но он занят с советниками, и поэтому я осмелился побеспокоить тебя. Пожалуйста, объясни мне, что происходит...

Кирэль тяжело вздохнул и жестом пригласил юношу садиться, что тот и сделал, погладив тут же запрыгнувшего к нему на колени кота.

– Лионэль, что ты можешь мне сказать о предсказании Фелиэна Мудрого? Вспомни уроки по магической истории и информацию о королевстве, отказавшемся от магии.

– А, это небольшое материковое королевство, откуда полторы тысячи лет назад ушли маги, кажется, после того, как тамошний король объявил им войну и победил. Так? Сейчас я вспомню название, – юноша нахмурился, но буквально через несколько секунд радостно улыбнулся, – оно называется Истралия, правильно?

– Верно, – согласно кивнул старый маг, – а что ты помнишь о предсказании?

– Ну... – замялся Лионэль, не желавший признаваться, что половину уроков по истории магии просто-напросто проспал, так как рисовалось лучше всего по ночам и досыпать приходилось на занятиях, – я могу ошибаться, но... Прости, Кирэль, я не помню...

– Стыдно, молодой человек. – строго нахмурился маг, но вскоре сменил гнев на милость и начал рассказывать, – когда маги проиграли войну, некоторые из них не сразу покинули родные места, а какое-то время жили посреди глухого леса в небольшом поселении, откуда были проложены порталы в наиболее важные для них точки. Когда люди стали селиться всё ближе, маги ушли, но предварительно прокляли землю, на которой стояло их убежище. Никто, разумеется, никого не предупредил, и со временем на проКлятом месте был построен замок.

– Но как же в нём жили? – Лионэль с ужасом смотрел на мага, – это же просто невозможно.

– Да вот жили как-то, – пожал плечами Кирэль, – может, не всё у них ладилось, может, болели чаще – но никто не связывал это с замком. Скорее всего, никто про этот замок и не помнил бы, но знаменитый путешественник и мудрец Фелиэн, получивший позже прозвище Мудрый, после изучения многочисленных воспоминаний, древних манускриптов и астрологических карт, пришёл к выводу, что именно на месте проКлятого замка развернутся события, от которых будет зависеть будущее нашего мира. И предсказал, что однажды в тугой узел свяжутся судьбы нескольких людей и нелюдей, от которых будет зависеть всё. Имён он не назвал, лишь сказал, что это будут Воин, Творец, Мечтатель, Пастух и Дева. И у каждого из них – своё предназначение. Будут они сражаться друг с другом или вместе против каких-то сил – никто не знает.

– А как узнать, кто есть кто? – у Лионэля блестели глаза, как у ребёнка слушающего страшную сказку, – и потом, там, в этом замке, помимо гостей наверняка народу живёт – не протолкнёшься.

– Он сказал, что каждому из участников будет знамение, возможно, видение, возможно, просто услышанный в таверне разговор, который не получится забыть, сколько ни старайся, а возможно – вещий сон. Но после этого тот, кто избран судьбой для участия, не сможет свернуть с предназначенной ему жизненной тропы.

– И ты хочешь сказать, что я – один из участников? – Лионэль вцепился в подлокотники кресла так сильно, что тонкие пальцы художника побелели, – но почему ты так решил?

– Я видел изображение проКлятого замка, – помолчав, сказал Кирэль, – это его ты не можешь нарисовать уже не первый день. Это он, мой мальчик. Значит, ты – тот самый Творец, который был предсказан Фелиэном Мудрым.

– Именно Творец? – переспросил потрясённый Лионэль, – а почему не Мечтатель? То, что не Воин и не Дева – это понятно, и вряд ли Пастух...

– Может быть, и Мечтатель, – не стал спорить Кирэль, – нам не дано понять замыслы высших сил. Но в любом случае ты – один из Избранных, и тебе нужно отправляться в Истрилию.

– А что будет, если я не сделаю этого? – Лионэль не собирался отказываться, но было просто интересно, – тогда ничего не произойдёт, раз одного участника недосчитаются?

– Ты не сможешь игнорировать судьбу, – вздохнул старый маг, – так или иначе, но ты окажешься там, где должен. Поэтому лучше не противиться выбору судьбы, а идти ей навстречу.

– Я и не собирался отказываться, – задумчиво ответил Лионэль, – это же такое удивительное... нет, не событие, я не знаю, как правильно сказать. Меня переполняют чувства, но выразить словами... невозможно, понимаешь? Моя обычная, достаточно размеренная и предсказуемая жизнь вдруг сделала крутой поворот. И это великолепно!

– Тебе не страшно? – старик пристально всматривался в одухотворённое лицо воспитанника и сердце сжималось от дурного предчувствия. А может быть, это была просто грусть от того, что мальчик вырос, а наставник внезапно это осознал? Всё возможно...

– Страшно? Конечно, мне страшно, – рассмеялся юноша, – я ведь никогда не уезжал дальше своего королевства, а здесь – проехать практически через половину континента, чтобы принять участие в каких-то таинственных, но невероятно важных событиях... Восхитительно! Мне жутко, но я счастлив.

– Счастлив? – старый маг тепло и грустно смотрел на Лионэля, – но ведь никто не гарантирует, что ты вообще уцелеешь в этой аванюре.

– Ну и что? – младший сын владыки легкомысленно махнул рукой, – посуди сам: что ждало меня дома? Я не могу претендовать на престол, и слава Великому Лесу, пусть старшие отдуваются. Мне предстояло спокойно жить в своей башне, рисовать картины, которые никто не увидит, и в конце концов жениться по выбору отца. Не слишком привлекательное будущее, ты так не считаешь?

– Но ты мог бы поехать в академию живописи, получить образование, возможно, найти себя в том деле, к которому у тебя талант, – Кирэль сам не мог объяснить себе, почему ему так не хочется, чтобы юный Лионэль отпраивлялся в этот проклятый замок. Ах, если бы это зависело только от него! Но Кирэль прекрасно изучил своего юного воспитанника и понимал, что дома Лионэля теперь не удержит никто. Жаль только, что он сам не сможет сопровождать мальчика: не тот возраст и не то здоровье, к сожалению. Нужно поговорить с владыкой и выбрать в спутники Лионэлю кого-нибудь соответствующего статуса, но более, как бы сказать... более приземлённого.

– И что потом, – юный художник развёл руками, – всё то же самое, только после академии, а не сразу. Так что неважно, кто я – Творец или Мечтатель, я, как ты и сказал, пойду навстречу своей судьбе. Как ты думаешь, отец скоро меня отпустит?

– Думаю, да, – старый маг ненадолго задумался, – полагаю, что сразу. Как только ты соберёшься в путь и как только владыка подберёт тебе спутников: ты ведь понимаешь, что не можешь путешествовать в одиночестве. Во-первых, тебе не по статусу, а во-вторых, мало ли что в пути может случиться.

Лионэль кивнул, понимая, что спорить бесполезно, и, попрощавшись с магом, вышел из комнаты, а Кирэль снова остался наедине со своими мыслями и тревогами.

Оставив старика в его комнате, художник быстро поднялся по витой лестнице к себе в башню, где посреди комнаты, заставленной рамками, холстами на подрамниках, начатыми и брошенными набросками, стоял мольберт с той самой картиной. Лионэль подошёл и остановился, всматриваясь в им же изображённый замок.

Серые стены стремительно рвали в мрачное, затянутое тучами небо, но даже в полумраке нельзя было не заметить удивительную соразмерность и изящную стройность здания. В стрельчатые окна были кое-где вставлены витражи, и наверняка они были великолепны, но в полутьме невозможно было их рассмотреть. Зато в одном окне северной башни горел странный, вызывающий необъяснимую тревогу светло-зелёный огонь. Лионэль прекрасно помнил, что это его рука дрогнула, и капля краски вместо того, чтобы изобразить отражение лунного луча в пруду, попала на место окна. Но сейчас у художника почему-то создавалось впечатление, что так и должно быть: в окне этой башни действительно обязательно должен гореть свет. И именно такой: холодный и необъяснимо злоеущий.

Лионэль смотрел на картину и понимал, что теперь, вот именно с этого момента, он знает, чего не хватало полотну, чтобы стать завершённым. Юноша схватил краски и торопливыми, но точными движениями начал рисовать, не видя и не слыша ничего вокруг.

Прошло несколько часов, пока он наконец-то устало опустил палитру и вытер рукавом вспотевший несмотря на ночную прохладу лоб. Картина была завершена, это Лионэль чувствовала всем сердцем истинного художника. Замок по-прежнему старался дотянуться до мрачно-лиловых туч шпилями башен, пруд отражал желтоватый свет иногда появляющейся луны.

Но во дворе замка появились пять фигур: впереди всех стоял мужчина в плаще с капюшоном, и его лица не было видно, зато бросался в глаза посох, который он держал в руках. Навершие посоха светилось изумрудным светом, показывая, что его владелец не кто иной, как некромант. Лионэль подумал и вдруг снова схватил кисть: над плечом некроманта появился небольшой предмет, в котором при внимательном рассмотрении можно было узнать гриф гитары.

За его правым плечом стоял высокий широкоплечий мужчина с осанкой профессионального воина, на это же занятие указывали и его выдавший виды меч, и переброшенный через руку плащ, какой обычно носили наёмники или пехотинцы. Лица тоже было не рассмотреть, видна была лишь короткая светлая борода.

Чуть слева Лионэль увидел себя, хотя совершенно не помнил, когда успел изобразить невысокую изящную фигуру с большим заплечным мешком. С искренним недоумением художник понял, что он-нарисованный был ранен, так как его поддерживал ещё один мужчина, по виду и по одежде – типичный житель Эф-Риссара: только они носят такие кожаные кольчуги. Южанин был выше Лионэля и тоже находился явно не в лучшей форме.

А за их спинами стояла женщина в длинном светлом платье. Почему-то её лицо художник изобразил очень подробно: и светлые, кажется, серые глаза, и милые, хотя и не классические, черты лица, и светлые волосы... Лионэль никогда прежде не видел этой девушки, но при этом ему казалось, что он всегда знал её. Он откуда-то знал даже её имя – Кэтрин.

Художник отошёл от полотна и медленно опустился на предусмотрительно поставленный в мастерской диванчик: ему казалось, что он, дописывая картину, отдал все силы.

Негромко прозвучали шаги на ведущей в башню лестнице, и в мастерскую вошёл, устало потирая руками лицо, владыка. При виде отца Лионэль вскочил с диванчика и склонил голову.

– Перестань, нас никто не видит, – махнул рукой владыка Каристэль и жестом велел сыну сесть обратно, – а я и без твоих поклонов обойдусь. Я хочу увидеть эту картину, Лионэль.

Юноша кивнул и развернул к отцу полотно, ещё не снятое с мольберта: владыка медленно подошёл и внимательно всмотрелся в изображённый замок, а увидев изображённые фигурки, вздрогнул.

– Пятеро... – задумчиво проговорил он, – четыре мужчины и девушка. Это ты?

Тонкий палец указал на невысокую, самую хрупкую из изображённых фигурку, и Лионэль молча кивнул. Владыка вздохнул и, помолчав, уточнил:

– Отговаривать тебя, я так понимаю, бессмысленно?

– Это судьба, отец, – воскликнул юноша, опасаясь, что сейчас его начнут убеждать отказаться, – я не могу отвернуться от своей судьбы!

– Я этого и не требую, Лионэль, не бойся. Когда ты хочешь выдвинуться в путь?

– Как только получу разрешение, – юный художник решительно тряхнул головой, – до Истралии путь неблизкий.

– Хорошо, – владыка шагнул к двери, – я подумаю, кого дать тебе в сопровождающие. Ты ведь понимаешь, что одному тебе будет намного сложнее.

– Спасибо, отец, – склонил голову Лионэль, глядя в спину уходящему владыке.

7

7

Село Крапивная Балка, околица, в полумиле от трактира «Толстый Генри»

10 мая 1409 года от Последней Битвы (ПБ)

Мост был, на первый взгляд, совершенно обычным, точно таким же, как сотни или даже тысячи мостов по всей Истралии. Слегка потемневшие, отсыревшие от вечернего тумана доски, шаткие даже на вид перила, кое-где стянутые грубыми верёвками. Мост негромко поскрипывал при порывах ветра, что, в общем-то, тоже было неудивительно.

Ничего необычного, кроме одного: этого моста здесь никогда не было. Это Альберт знал абсолютно точно, потому как в Крапивной Балке их отделение стояло уже больше месяца. За это время любопытный и жадный до всего нового Берти успел облазить всю округу и мог поклясться чем угодно, что ни в самой Балке, ни в ближайших окрестностях мостов не было. Вообще. Никаких. По одной простой причине: в них не было ни малейшей необходимости. Речек возле села не было ни больших, ни маленьких, даже ручьёв не наблюдалось.

Тем не менее мост был, и сейчас Альберт стоял возле него и совершенно спокойно мог потрогать его руками, но почему-то не спешил этого делать. Вообще-то он не слыл среди приятелей эталоном отваги и безрассудства, но и трусом его никто не рискнул бы назвать: Берти всегда шёл навстречу опасности, хотя сам на неприятности и не нарывался, в дуэлях участвовать не любил, в пьяных драках – тем более.

Зато если нужно было рассказать какую-нибудь историю, особенно из тех, от которых то мороз к коже ледяными пальцами прикасается, то живот от смеха болит – это к Берти, в этом он мастер. И ведь вруном не назовёшь – верил он искренне в то, что рассказывал. А что слушатели то хохочут, то чуть ли не под лавки от жути прячутся – так разве в этом виноват Берти? Нет, конечно. Как говорится, не нравится – не слушай, а рассказывать не мешай. Именно из-за этого таланта рассказчика да ещё из-за добродушного и необидчивого характера Альберту всегда были рады и у солдатского костра, и в любой иной компании.

Услышав историю, которую поведал слушателям толстяк Генри, Альберт, ни секунды не сомневаясь, решил проверить, действительно ли существует этот мост. И если правда – то непременно попробовать пройти по нему туда, где сбываются все мечты. Если бы его спросили, а какие мечты он хотел бы воплотить в жизнь, Альберт, скорее всего, растерялся бы и не знал, что ответить. Ведь дело-то не в том, чтобы мечты на самом деле исполнились, а в том, чтобы своими глазами на эту самую невидаль взглянуть!

И вот он уже битых десять минут стоял у покосившейся местами околицы (а от кого отгораживаться-то? От зайцев, что ли?) и в полном оцепенении смотрел на узкий мост, дальняя часть которого исчезала в странном, очень плотном тумане. Туману, честно-то говоря, в такое время да при такой погоде и взяться неоткуда, но туман был. И мост был.

И с этой реальностью что-то нужно было делать, хотя вариантов в итоге было не так уж и много, а точнее – всего два. Идти и не идти. Можно, конечно, ещё вернуться в трактир и позвать свидетелей этого чуда. Но тут есть определённая опасность: пока добежишь до трактира, пока объяснишь, пока вернёшься – мост может и исчезнуть. Тогда не только сам дураком выглядеть будешь, но и чудо прошляпишь.

Потоптавшись ещё немного, Альберт глубоко вздохнул, неуверенно ступил на влажные доски и замер, прислушиваясь. Ничего не произошло, и следующий шаг дался солдату уже гораздо легче: мост ничем не отличался от прочих своих деревянных собратьев.

Альберт, успокоившись, старался рассмотреть хоть что-то в окружающем мост плотном тумане, но видел лишь неясные тени не то деревьев, не то кустов. Вдруг впереди возникла какая-то расплывчатая тень глубокого чёрного цвета, и Берти остановился как вкопанный: идти навстречу непонятному чёрному пятну ему совершенно не хотелось. Тем временем пятно мрака не делало ни малейших попыток как-то добраться до Альберта, застыв на своей половине моста.

Возможно, так и стояли бы они боги знают до какого времени, но тут Берти громко и от всей своей широкой души чихнул. То ли туман так подействовал, то ли похолодало к ночи – неизвестно, но чих вышел знатный. Чёрное пятно дрогнуло, и над мостом пронеслось едва слышное «будь здоров, незнакомец».

Наверное, если бы пятно зашумело или, например, завывло дурным голосом, Берти испугался бы гораздо меньше. Недаром говорит старая байка: «Не страшно ночью ходить по кладбищу, а страшно чихнуть в пустом доме и услышать «будь здоров». Именно это с Альбертом и

произошло, заставив лишний раз убедиться в том, что в каждой, даже самой дурацкой шутке есть доля истины.

– Спасибо на добром слове, – тем не менее отозвался Берти, будучи по природе человеком вежливым и доброжелательным, – осмелюсь поинтересоваться, с кем имею честь беседовать?

Фраза получилась гладкая и в меру вежливая, так что Альберт по праву собой гордился и даже почти не дрогнул, услышав ответ:

– Я страж моста. Кто ты, незнакомец?

– Я Альберт, пехотинец Лиоррского военного корпуса Истралии... вот, собственно... – что говорить ещё, Альберт категорически не знал, поэтому выжидающе замолчал, таращась на пятно и думая о том, что рассказать кому – ну вот точно не поверят! Он и сам бы не поверил, если бы под ногами не скрипели доски, а за шиворот не пытался забраться ледяной туман.

– Зачем тебе в проКлятый замок, пехотинец Альберт? – прошелестело пятно, слегка придвинувшись, но Берти разумно рассудил, что если бы его хотели сожрать, то уже давно это сделали бы, а если разговаривают – значит, всё идёт, как надо.

– Почему проКлятый? – спросил Берти, осторожно облокотившись на перила, так как ноги слегка дрожали, но это исключительно от ветра, разумеется, ни от чего-то ещё, – мне сказали, что в этом замке исполняются все желания.

– А разве исполнение всех желаний не есть самое страшное проклятье? – в голосе пятна послышалась застарелая тоска.

– Почему? – не понял Берти, чувствуя, что страх постепенно уступает место привычному любопытству, – каждый стремится к исполнению всех желаний, разве нет?

– А чего хотеть потом? – вопросом на вопрос ответило пятно, – когда хотеть уже нечего?

– Ну не знаю, – растерялся Альберт, которому трудно было представить, что бывает с тем, у кого исполнились все желания, – наверное, захотеть ещё чего-то...

– Чего? – снова грустно спросило пятно, – всё уже есть...

– Не знаю, – повторил Берти, преисполнившись сочувствия к несчастному стражу, – но я бы всё равно рискнул.

– А чего ты хочешь? – слегка оживилось пятно, – а то в последнее время как-то почти никто не ходит, скучно мне, так что прости мне мою болтливость, пехотинец Берти.

– А ты давно тут сторожишь? – как любому солдату, Альберту было прекрасно известно, какая тоска – стоять в карауле, когда заранее известно, что ничего случиться не может, – умалялся небось?

– Даже не помню уже, сколько, – пятно опустилось и теперь напоминало сидящего человека, и Берти, не долго думая, тоже присел на сырые доски. Ну а что не поговорить с хорошим человеком... наверное, человеком... стражем, в общем.

– И ты что, всё время вот так вот, один? – разговор перешёл на привычные Берти темы и потому пошёл уже гораздо легче, – а сменщик у тебя есть хоть?

– Нету, – вздохнув, ответил страж моста, – давно уже нету, лет, наверное, сто или больше уже, я даже и не помню.

– А вот это непорядок, – нахмурился Альберт, услышав про такое злостное нарушение правил несения караульной службы, которые он знал ничуть не хуже собственного имени, – без сменщика никак нельзя.

– А ты не хочешь? – робко поинтересовалось пятно, разворачиваясь в сторону Берти, – может, оставишь свой корпус и тоже стражем моста станешь?

– А что для этого нужно? – заинтересовался Берти, но не потому что собирался занять эту, без сомнения, почётную должность, а просто из всё того же любопытства, – не всех же, наверное, берут?

– Нужно добраться до проклятого замка, попросить исполнения желания или нескольких, а потом...если не получится в нормальную жизнь вернуться, то захотеть стать стражем, – со знанием дела ответило пятно и с надеждой спросило, – у тебя же есть желания, пехотинец Альберт?

– Не знаю, – от неожиданности и необходимости ответить на конкретный вопрос Берти слегка растерялся, – наверное, есть...

– Ну, тогда ты сможешь получить их исполнение, если выполнишь задание, конечно, – подумав, честно уточнил страж моста.

– Задание? – Берти заинтересованно потёр руки, – а какое?

– Не знаю, – пятно смущённо колыхнулось, – у каждого оно своё. Но ты смог увидеть мост и смог на него вступить, значит, тебя сочли достойным. А что за задание, я тебе, к сожалению, сказать не могу – сам не знаю. Мне вот надо было победить дракона...

– Настоящего дракона?! – ахнул потрясённый Берти, с уважением покосившись на стража.

– Настоящего, конечно, какого же ещё-то? – хмыкнуло пятно и, помолчав, гордо добавило, – я справился: и дракона победил, и в пещеру его пробрался.

– А правду говорят, что у драконов в пещере золота и драгоценностей тьма тьмущая? – Берти окончательно забыл о том, что разговаривает с загадочным призрачным существом, до того ему было любопытно.

– Правда, – ответил страж и вдруг тяжело вздохнул, – это меня и подвело... взял я один малюсенький камешек... просто на память о приключении...

– И что? – замер Берти, практически перестав дышать, – нельзя было, да?

– Нельзя, – вздохнул страж, и Альберту показалось, что пятно даже как-то съёжилось, – оказывается, это тоже была часть испытания. Потому я в стражах и оказался, хотя был рыцарем не из последних.

– Не повезло тебе, – абсолютно искренне посочувствовал неведомому рыцарю Берти и поднялся на ноги, – ну да ладно, страж. Сидеть я могу тут долго, а мне ведь и вернуться бы надо. Я же не предупредил никого, что уйду: как бы дезертиром не сочли. А ты не грусти тут, обязательно для тебя сменщик найдётся.

– Вернуться? – с неподдельным удивлением спросил страж, – а ты разве не пойдёшь дальше, в замок? А желания как же, мечты?

– Да я же, если честно, в замок этот и не собирался, – повинился Берти и пояснил, – мне просто на мост этот волшебный уж больно посмотреть хотелось. Посмотрел, теперь можно и вернуться. Бывай, служивый, может, и встретимся ещё когда...

– Это уж всенепременно, – с непонятной уверенностью ответил страж.

Берти помахал рукой тёмному пятну и, решительно повернувшись, пошагал с моста обратно в деревню. Сойдя со скрипучих досок, он обернулся, совершенно уверенный в том, что мост сразу же исчезнет, но этого не произошло, и доски по-прежнему влажно блестели в лунном свете, а перила тихонечко поскрипывали.

Альберт пожал плечами и, предвкушая, как он будет рассказывать о своём приключении, бодро потопал в сторону деревни. Но минут через десять замедлил шаги, а потом и вовсе остановился, внимательно глядя по сторонам: вроде бы всё правильно, но Крапивной Балки почему-то не было. При этом Альберт совершенно точно помнил, что мост начинался сразу за околлицей – нужно было пройти метров тридцать, не больше. А он отмерил ногами уже чуть ли не километр, но околицы как не бывало.

Нахмурившись, Берти попытался хоть что-то рассмотреть в окружающем его достаточно густом тумане, но ничего кроме неясных теней не увидел. Будучи человеком достаточно благоразумным, Альберт и подумать не мог о том, чтобы сойти с тропинки: ясно было, что он мгновенно потеряется в этой странной белой мгле. Решив для себя, что через минуту, если что,

повернёт назад, чтобы уточнить у стража направление, Берти пошёл вперёд и чуть не вскрикнул от радости, разглядев что-то кроме тумана впереди.

Но, когда он приблизился к этому чему-то, выяснилось, что это тот же самый мост, просто Берти подошёл к нему с боку. Растерявшись, Альберт подумал и, развернувшись, пошёл обратно, но внезапно остановился и, стащив с себя мундир, снял нижнюю рубашу и решительно оторвал от неё несколько длинных полос. Каждую из получившихся ленточек он в свою очередь разорвал на небольшие кусочки и вскоре стал счастливым обладателем пары десятков белых тряпочек.

Альберт повязал на росший у тропинки и почти спрятавшийся в тумане куст белую ленточку и сделал несколько шагов назад, ровно до того места, откуда была видна опознавательная тряпочка. Оглядевшись в поисках того, на что можно привязать ленточку и не найдя ничего подходящего, Берти наклонился и просто прижал её камнем. Таким образом он медленно шёл по тропинке и отмечал каждый пройденный отрезок белой тканью, словно мальчик и девочка в старой сказке.

Оглянувшись, Альберт убедился, что его метки прекрасно видны, и зашагал дальше уже гораздо бодрее. Убеждая себя, что таким образом он скоро непременно выйдет к околице и что это просто туман запутал его, Берти даже начал насвистывать весёлую песенку, когда внезапно застыл на месте.

Справа от него, словно издеваясь над здравым смыслом, на веточке кустика была повязана белая тряпочка, и Берти даже помнил, как затягивал покрепче узелок на ней, чтобы не сорвало ветром. Она никак не могла появиться здесь, так как Альберт шёл только назад, никуда не сворачивая. Но ленточка была. А околицы не было. Берти осторожно сделал несколько шагов вперёд и уже даже не удивился, услышав негромкое поскрипывание.

Мост, в отличие от Крапивной Балки, никуда не делся и словно приглашал Альберта снова пойти по нему. Солдат вздохнул и обречённо шагнул на мокрые от тумана доски.

На этот раз никто ему не встретился, и Альберт спокойно миновал середину моста, спустился с другой стороны и оглянулся: моста не было. Ветер шевелил листьями густого кустарника, где-то вдалеке горели огни какой-то деревни, но Берти был почти уверен, что о Крапивной Балке здесь даже не слышали.

Руководствуясь старой народной мудростью, гласившей, что сделанного не воротишь, Берти не стал попусту расстраиваться, а просто пошёл вперёд. Если так разобраться, то ничего очень уж важного он в Крапивной Балке и не оставил. Единственное, что его беспокоило, это то, что он покинул часть без предупреждения: это было вполне веским основанием для того, чтобы его сочли дезертиром. В этом случае лучшее, что его ждёт – это каторга, лет этак на тридцать. Но что-то, какое-то новое чувство, зародившееся очень глубоко внутри, шептало Альберту, что, когда всё закончится, проблема дезертирства будет волновать его в последнюю очередь.

Расстегнув верхнюю пуговицу мундира, Берти внезапно понял, что вокруг гораздо теплее, чем было в Крапивной Балке, да и стрекот цикад, раздававшийся со всех сторон, ненавязчиво намекал на то, что солдат оказался в краях, расположенных гораздо южнее. В очередной раз пожав плечами и устав удивляться, Берти пошёл в ту сторону, где приветливо вспыхивали жёлтыми огнями окошки домов. Он подумал, что если это деревня или село, то там наверняка есть трактир – именно там можно получить хоть какую-то информацию.

Двухэтажное здание с черепичной крышей и добротным крыльцом, возвышавшееся над соседними невысокими, но аккуратными домишками, оказалось именно трактиром с названием «Яблочная бочка». В невесть который раз за последние пару часов пожав плечами, Альберт шагнул на тщательно подогнанные ступеньки и открыл массивную дверь.

Внутри трактир, в общем-то, ничем не отличался от своих собратьев по всей Истралии да и, наверное, по всему миру: длинная стойка, виднеющиеся за ней большие бочки с пивом,

расставленные на приличном расстоянии друг от друга массивные столы и такие же основательные лавки.

Народа в заведении было достаточно много, но при этом царила какая-то вполне умиротворённая атмосфера, никто не дрался, не шумел, все спокойно обсуждали какие-то свои дела. За стойкой обнаружился трактирщик, выглядевший как брат-близнец толстяка Генри, и Берти подумал, что, возможно, все трактирщики выглядят одинаково, а тех, кто на них не похож, из содержателей трактиров просто-напросто выгоняют.

Толстяк оторвался от важного процесса протирки и без того достаточно чистых стаканов и с любопытством посмотрел на Альберта.

– Доброго вечера, – вежливо проговорил Берти, обращаясь одновременно и к трактирщику, и к посетителям, – не найдётся ли у вас еды и кружки пива для усталого путника?

– Отчего ж не найтись? – густым басом отозвался трактирщик и сделал знак симпатичной подавальщице, – и поужинать найдём, и выпить. Только откуда ж ты, путник, взялся в такой час?

Все взгляды, в большинстве своём доброжелательные, обратились к Альберту, который вздохнув, сказал:

– Кому рассказать – не поверят, потому и не знаю, как быть-то... боюсь, сочтёте меня вруном, а мне того не хотелось бы.

– А ты скажи, и мы уж сами решим, правду говоришь или нет, – предложил один из посетителей, здоровенный мужик с густой каштановой бородой в подпалинах, явно местный кузнец.

– Я по мосту пришёл, ежели вы понимаете, про что я, – неуверенно сказал Берти и с удивлением увидел, как многозначительно переглянулись посетители, не продемонстрировавшие ни малейшего удивления, – то есть вы мне верите?

– А чего ж тебе не верить, добрый человек, – прогудел трактирщик, наливая из бочки в кружку пенящийся напиток и подталкивая её к Альберту, – не ты первый, не ты и последний. День сегодня такой – бывает, приходят люди к нам по мосту тому призрачному. Издалека ты, воин?

– Издалека, – с огромным облегчением выдохнул Альберт и присел на свободную лавку, – село Крапивная Балка, не слышали?

– Нет, – покачал головой трактирщик, – это в какой стороне хоть? В Истралии?

– Да, на севере, в сторону гор, – Берти сделал большой глоток удивительно вкусного напитка, напоминающего пиво, но с отчётливым яблочным привкусом и ароматом, – удивительное пиво у вас...

Вокруг послышались смешки, и тот же кузнец пояснил:

– Это сидр, лучший во всей Истралии, нигде больше такого не варят, только в нашем графстве, в Мабридже. А здесь – у дядюшки Фреда, он мастер известный.

– Это графство Мабридж? – Берти нахмурился, вспоминая, слышал ли он когда-нибудь это название и понимая, что нет, – а где оно?

– Самая южная часть Истралии, – пояснил трактирщик, которого, как выяснилось, звали дядюшкой Фредом, – это, незнакомец, знаменитые яблочные края.

– Я Альберт Стоун, пехотинец Лиоррского пехотного корпуса, – правильно понял намёк Берти и, привстав, вежливо поклонился присутствующим, – простите, что сразу не представился, растерялся просто... Это что же: получается, я через всю страну по этому мосту прошёл? А вроде короткий...

– Так там время иначе течёт, – пояснил Фред, снова переглянувшись с кузнецом, – сам я, правда, не ходил, а слышать слышал, не без того. Стал быть, нужен ты тут зачем-то. Вот тебя мост и привёл...

– А до меня приходил кто? – с замиранием сердца спросил Берти, – тоже тот, кто ... нужен был?

– Да давненько не было никого, – пожал широкими плечами трактирщик, – последним тот прорицатель был, что к старому Хатчинсону приходил, тому, что нынешнему Мэйсону отец. А вот что он старику сказал – никто не знает.

– А поговорить с ним можно? – спросил Берти, отпивая ещё невероятно вкусного пенного напитка, – или нет?

– Так он как пришёл, так и ушёл, – ответил кто-то из посетителей, – со старым Хатчем поговорил, да и ушёл, а куда – неведомо.

– Чем думаешь заняться, пехотинец? – обратился к Берти трактирщик, – коль уж судьба тебя к нам забросила, то стало быть, поживёшь тут какое-никакое время.

– Да я не знаю даже, – растерялся Берти, – ещё утром я знал, кто я и что делать, а теперь... Может, работа какая для меня найдётся?

– А ты сходи к леди Кэтрин, это хозяйка здешняя, может, ей на что пригодишься, – посоветовал кузнец, – она сейчас замок ремонтирует, так ей рабочие руки нужны.

– Замок? – ухватился за слово Берти, – это уж не тот ли, в котором, как говорят, все желания исполняются?

За столами засмеялись, но трактирщик сурово взглянул на весельчаков, и смех стих.

– Насчёт желаний не скажу, а что-то с замком этим не то, – перегнувшись через стойку, поведал Фред, – прежние хозяева сбежали, почти полвека замок брошенный стоял, а теперь вот леди Кэтрин им занимается. Ей по завещанию нужно замок восстановить, говорят.

– А что за леди? – спросил Берти.

– Славная девушка, – проговорил кузнец, – добрая, за тёткой своей ухаживает, не повезло ей с наследством, что уж тут...

– Завтра я понесу леди заказанные образцы, так можешь со мной пойти, – добродушно предложил кузнец Альберту.

8

8

Графство Мабридж, поместье Эппл-Гроув,
25 мая 1409 года от Последней Битвы (ПБ)

Я устало опустила на плетёное кресло и поклялась сама себе, что никто и ни за что не вытащит меня из этого восхитительного, чудесного, замечательного, идеального... в общем, самого-самого лучшего в мире места. Я закрою уши и никогда, клянусь, никогда больше не ввяжусь в самый страшный кошмар под названием «ремонт замка». Куда там у нас ссылают опасных преступников? На каторгу добывать руду? Ха! Их всех нужно отправлять на ремонт простоявших больше полувека заброшенными замков – и через неделю они с радостными криками побегут в сторону угольных шахт. Это я теперь могу утверждать с абсолютной достоверностью.

В эту минуту, когда я опрометчиво приоткрыла один глаз, мимо дома в сторону замкового холма прогрохотала телега, нагруженная плитами для внутреннего двора, и я невольно издала душераздирающий стон: нужно было выковыривать себя из плетёного счастья и ползти в замок, чтобы лично проконтролировать господина Шуфеля. Этого удивительного человека, чтоб ему ни одного заказа больше не взять, прислали из конторы, в которую я опрометчиво обратилась за надёжными профессионалами строительного дела. Господин Шуфель прибыл на следующий день в сопровождении нескольких рабочих: шумных, черноглазых, постоянно спорящих строителей, которые тут же превратили мрачный замок в какой-то филиал приюта для душевнобольных.

Теперь в холле постоянно что-то стучало, скрипело, падало и рушилось, а в углу двора дымился здоровенный котел, в котором строители постоянно что-то варили. И это что-то

наполняло двор запахом тушёных овощей и мяса. Я ничего не имею против запаха еды, но не всё же время! Все мои просьбы строители выслушивали с виноватыми лицами, и на их больших глазах цвета горького шоколада выступали слёзы раскаяния. Они кивали и соглашались, что так нельзя, что это всё же замок, старинный, между прочим, практически памятник архитектуры... и тут же всё с тем же виноватым видом подбрасывали дров под котёл, и ароматы начинали ползти с новой силой.

Господин Шуфель грозил им пальцем, обещал завтра же всех уволить и шёл снимать пробу с ароматного варева. Наверное, я выгнала бы их, не задумавшись и затолкав поглубже свою совесть, но при всех минусах работали они прекрасно. Постепенно пол в холле приобрёл свой прежний вид: оказалось, что он собран из удивительно красивых мраморных плит, совершенно целых, просто покрытых толстым слоем грязи. Чирикающие, как стая горластых птиц, строители отчистили его, подправили, отполировали, заменили некоторые пришедшие в негодность фрагменты, и, когда я увидела это чудо, я ненадолго простила им даже котёл во дворе.

Мраморные плиты различных оттенков коричневого: от светло-рыжего до глубокого, почти чёрного, складывались в причудливый узор, который, если смотреть сверху, напоминал семиконечную звезду с лучами разной длины. В центре рисунка был с потрясающей тщательностью выложен какой-то знак, от которого так и тянуло седой стариной, глубокой древностью. Я даже подумала, что, возможно, когда-то этот знак обладал магической силой, но за прошедшие века, которые Истралия живёт без магии, просто потерял свою силу.

Сейчас подопечные господина Шуфеля занимались внутренним двором, так как материалы для отделки стен и эф-риссарский мрамор для крыльца ещё не привезли. Единственное, на чём мне удалось настоять, – это срочный ремонт помещения, которое стало моим кабинетом. Его строители отремонтировали в первую очередь, выкрасив стены в приятный бежевый цвет и настелив новые полы вместо сгнивших прежних. Из мебели мы с Хатчем отобрали несколько столов, прочный шкаф, несколько кресел и достаточно удобный диванчик.

С тех пор практически всё время я проводила в замке, следя за работой строителей и потихоньку разбирая вещи, которые обнаруживала в комнатах, шкафах и кладовках. Верный Хатч мотался между замком, домом и городом, решая финансовые вопросы, стараясь сократить расходы, хотя в этом не было особой необходимости. Но Мэйсон считал, что меня непременно обманут, поэтому все расчёты взял на себя, за что я была ему искренне признательна.

Тяжело вздохнув, я таки выбралась из уютного кресла, крикнула тётушке, что привезли плиты для внутреннего двора, и, забрав у сочувствующе взглянувшей на меня Аниты корзинку с едой, отправилась в замок через отцветающие яблоневые сады. Попутно подумала о том, что нужно будет наведаться в деревню к дядюшке Фреду, в трактир «Яблочная бочка», и договориться насчёт питания для очередной группы строителей, которые должны приехать со дня на день, а также обсудить с ним вопрос охраны: отремонтированный замок не может стоять бесхозный, а из меня охранник, как из господина Шуфеля честный человек, то есть – никакой. Может, кто из местных согласится, хотя тут все при своём деле...

Подходя к замку, я ускорила шаг, так как привычный крик черноглазых строителей, доносившийся из-за ограды, был почему-то громче и тревожнее, чем всегда. Что там у них случилось?

– Леди Кэтрин, леди Кэтрин, – запыхавшийся кругленький господин Шуфель нервно обмахивался огромным клетчатым носовым платком и безумно сверкал глазами, – боги свидетели, мы не хотели этого делать, оно исключительно само, так сказать, без предупреждения, коварно...

– Что – оно, господин Шуфель, – я непонимающе подняла руку, останавливая словесный поток, но безрезультатно, – пожалуйста, говорите понятнее, я никого ни в чём не обвиняю, во всяком случае, пока.

– Мы стали готовить площадку для плит, которые привезли только что, ну, вы наверняка видели, – торопливо стал объяснять предводитель черноглазой банды, – и вдруг, как только их сгрузили, земля сделала так: «Пуффф!» и провалилась.

– Куда провалилась? – растерялась я, пытаюсь понять господина Шуфеля, который только суетился и ничего не мог внятно сказать.

– Да кто же её знает – куда! Вниз! – пояснил он непонятливой мне, как будто провалиться можно куда-то ещё, вверх, например.

Отчаявшись понять господина Шуфеля, я аккуратно отодвинула его и с некоторой робостью вошла во двор. Перед крыльцом было пусто, и даже котёл в углу почти не кипел, по моему, первый раз за последние десять дней. Воздух сразу стал ощутимо свежее и приятнее.

В холле тоже было на удивление пусто, зато внутренний двор напоминал поле сражения. В углу столпились строители, покрытые слоем пыли, на фоне которой только глаза сверкали. А посреди двора образовалась яма метра два в диаметре, из которой уже оперативно вытащили провалившиеся плиты. Но интересным было не это, а то, что от краёв образовавшейся ямы вниз вели аккуратные ступени.

– Это что – подземный ход? – озвучила я очевидное и посмотрела на припорошённых пылью строителей.

– Да, хозяйка, похоже, это именно он, – ответил мне самый смелый, – но мы не виноваты.

– Я вас и не виню, откуда вы могли знать, что тут нельзя сгружать тяжести... – я задумчиво посмотрела на ступеньки и вдруг замерла, – а почему на них почти нет пыли?

– Мы не вытирали, – тут же откестился господин Шуфель, видимо, решив, что это какая-то особенно ценная для меня лично пыль, – только плиты вытащили, за них же деньги плачены, понимаете?

– Я всё понимаю и ни в чём вас не обвиняю, – терпеливо повторила я, судорожно соображая, что это за ступеньки, чем для меня чревато их обнаружение и что вообще теперь со всем этим делать, – давайте поступим так: сейчас просто прикроем яму какими-нибудь щитами, чтобы туда никто не провалился, а я отправлю господина Хатчинсона в город за... за кем-нибудь, кто понимает в этом больше нас с вами, уважаемый господин Шуфель. А вы пока забором можете заняться, раз уж мрамор для крыльца не привезли.

Строители согласно покивали и ушли сколачивать щиты из подручных материалов, а я задумчиво посмотрела на ступеньки и, словно влекомая каким-то странным чувством, подошла к самому краю ямы. Внезапно голова закружилась, а я сама чуть не свалилась прямо вниз, в тёмную глубину.

Спас меня какой-то совершенно незнакомый мужчина, который успел схватить бестолковую меня за локоть и удержать на краю. Я благодарно кивнула незнакомцу, сразу оценив и широкий разворот плеч, и доброе, какое-то даже детское лицо, и завидную ловкость.

– Спасибо вам огромное, – я выровняла сбившееся от испуга дыхание, – вы не дали мне переломать ноги, за что я вам искренне признательна. Что привело вас в Эппл-Гроув? Я раньше вас не видела.

– Я ищу хозяйку, графиню Мабридж, – низким, но каким-то мягким голосом проговорил мужчина, и я не смогла не заметить знакомый мне с детства лёгкий акцент, характерный для жителей северных краёв, – а пришёл я с кузнецом Томом, он на крыльце дожидается.

– А вы что же на крыльце не остались? – прищурилась я, не стесняясь рассматривать незнакомца. – Как здесь, во дворе, оказались?

– Услышал шум и подумал, что, может, помощь моя потребуется, – пожал он богатырскими плечами.

– Мне очень повезло, что вы подумали именно так, – я опасливо покосилась на зияющий проём и такие манящие ступеньки, – иначе валяться бы мне далеко-далеко внизу с переломанными ногами, и это в лучшем случае. А то и шею недолго свернуть.

– Не подскажешь, милая девушка, как мне найти хозяйку замка? – вернулся к важному, видимо, для него вопросу мужчина.

– А для чего она вам? – всё ещё настороженно спросила я, не торопясь представляться, – может, я чем смогу помочь?

– Да вот, – замялся богатырь, – я тут оказался в ваших краях... случайно, в общем-то, оказался... мда... Так хотел у хозяйки спросить, может, ей работник нужен?

– А что вы умеете делать, какой работе обучены? – я внимательно посмотрела на плащ, какие обычно носят на севере солдаты, на выдавшие виды ножны с явно не парадным, а боевым мечом.

– Солдат я, красавица, – в голосе незнакомца на мгновение мелькнули игривые нотки, но тут же пропали, – как думаешь, найдётся у хозяйки для меня дело?

– Найдётся, – я кивнула и мысленно вознесла искреннюю благодарную молитву всем богам, – в замок охрана нужна, а я в этом ничего не понимаю.

Мужчина вопросительно поднял бровь, подумал и вдруг низко поклонился.

– Простите, леди, не признал сразу, – он улыбнулся и сразу стал выглядеть намного моложе. Я подумала, что он, скорее всего, не намного старше меня.

– Да, я леди Кэтрин Мабридж, хозяйка Эппл-Гроув, – я ответила на его улыбку, – назовите себя, незнакомец.

– Я Альберт Стоун, пехотинец Лиоррского пехотного корпуса, – он помолчал и уточнил, – хотя, наверное, уже бывший пехотинец...

– Почему? – я удивлённо посмотрела на Альберта: ни хулиганом, ни трусом или пьяницей он не выглядел. Одежда была в порядке, сапоги явно недавно начистили, да и сам мужчина смотрелся более чем прилично.

– Так не поверите, леди, – вздохнул он, – я и сам бы не поверил, кабы мне рассказали.

– А вы попробуйте, – предложила я и жестом пригласила его присесть на скамейку, которую подчинённые господина Шуфеля принесли для себя.

– Ну так как дело-то было, – обстоятельно начал Альберт, – Генри, это трактирщик наш, в Крапивной Балке, рассказывал, что раз в году, в канун дня Игнатия-правдолюбца, от нашего села, ну, где у нас база тренировочная, полка нашего... так вот, от села отходит призрачный мост. Ежели человек всегда правду говорит, то он по этому мосту может прийти в волшебный замок.

– В какой замок? – переспросила я, покосившись на высокие серые стены, выглядящие в солнечном свете привлекательно и абсолютно безобидно.

– В волшебный, – охотно повторил Альберт, – а в том замке сбудутся все-все его мечты. Вот.

– И? – я пока не понимала, как связано появление Альберта в Эппл-Гроув с волшебным замком.

– Ну я по нему и прошёл, – сказал мужчина и пожал плечами, – и оказался возле трактира там, внизу, в деревне.

– В «Яблочной бочке»? – я начала понимать, но поверить пока не могла: бред какой-то. Призрачный мост, волшебный замок – это где-то в сказке, не у нас.

– Ну да, – кивнул он, – а Генри, трактирщик, сказал, что и до меня люди по этому мосту приходили, только последний давно уж был, много лет тому как. Он, Генри, мне и присоветовал у вас в замке работу поискать, мне ж обратно через всю Истралию не добраться.

– А какие мечты у вас, Альберт Стоун? – вдруг спросила я, подумав, что если парень мечтает о всемирном господстве, то пусть Генри его у себя и оставит, а мне поддержка нужна, опора.

– Да никаких, в общем-то, леди, – богатырь улыбнулся, – у меня всё есть, вот только службу хорошую найти – да и славно. Я хотел с моста уйти, да не отпустил он меня, всё равно сюда привёл. Генри сказал, что это знак: нужен я тут зачем-то.

– И я даже знаю, зачем, – я облегчённо вздохнула, приняв решение, – я хочу предложить вам работу, Альберт. Мне нужна охрана в замок: сколько человек, как их вооружать, где селить – я ничего в этом не понимаю, а моего управляющего на всё просто не хватает.

– Да уж понятно, где ж леди в таком разбираться-то, – согласился Альберт, внимательно меня слушая, – да и ни к чему.

– Поэтому я предлагаю вам должность начальника гарнизона замка, что скажете?

Альберт вытаращился на меня, как будто я сказала что-то совершенно невероятное.

– Да как же так, леди? Я же простой солдат, не офицер никакой, как же я такую должность-то приму? Никак невозможно!

– Но вы знаете, как всё это организовать? – я недовольно поморщилась, так как мне не терпелось переложить хотя бы эти проблемы на кого-то, кто в них разбирается.

– Да знать-то знаю... – неуверенно начал Альберт, – но я ж чужой тут...

– А мне в любом случае со стороны человека брать, – сказала я, – местные и так все при деле. Так что мне не принципиально – кого именно. Согласны?

– Так капральская должность-то, – по-прежнему растерянно ответил Альберт, – а я пехотинец обычный. Как же...

– Тогда я своим правом графини Мабридж, владелицы замка, даю вам, Альберт Стоун, звание капрала и предлагаю должность начальника гарнизона Эппл-Гроув. Пока ещё не существующего гарнизона... Все бумаги оформит Хатчинсон, когда поедет в город. Итак, вы согласны?

– Согласен, – подумав, кивнул Альберт, – только вот что, леди... Коли скажу, что нужно сделать, значит, это надобно исполнить будет. Дело это непростое – гарнизон создавать...

– Как скажете, капрал Стоун, – я шутливо отдала честь, и Альберт улыбнулся, – и зовите меня просто леди Кэтрин.

– Ну а я тогда Берт, коли угодно будет вашей милости.

– Прекрасно, Берт, – я выдохнула, – у нас с вами есть первое и достаточно важное дело, от которого будет зависеть очень многое.

– Какое, леди Кэтрин?

– Нам нужно спуститься по этим ступенькам и понять две вещи: куда они ведут и почему на них нет этой проклятушей пыли?

Альберт встал и неторопливо, аккуратно ступая, подошёл к краю так внезапно возникшей посреди двора ямы. Покачавшись с пятки на носок, словно проверяя прочность почвы под ногами, он присел на корточки и заглянул в тёмный провал.

– Леди Кэтрин, а расскажите мне, откуда эта яма взялась, я-то уже на шум пришёл, – попросил Берт, внимательно рассматривая ступеньки, – да и подойти можете, тут вокруг прочно всё, я проверил.

– Точно не провалится? – я с опаской покосилась на мрачный проём. – А то как-то страшновато...

– Что жутко – спорить не стану, – согласился Берт и, подумав, добавил, – тянет оттуда чем-то странным, никак не пойму, где я этот запах уже встречал.

– Чем тянет? – я не то что подходить не стала, а наоборот, ещё и отступила подальше, – не пугайте меня больше, чем я уже боюсь... пожалуйста!

– Да нет, не плохим чем-то, – поразмыслив, уточнил мой новый начальник пока не существующего гарнизона, – просто пылью, старостью и подземельем. Так откуда яма взялась, вы так, леди, и не ответили.

– Сегодня привезли плиты для внутреннего двора, – начала рассказывать я, – и когда я как раз подходила к замку – мне нужно было ненадолго в дом отлучиться, я потом вам покажу, где это, – то услышала громкие крики. Испугалась – подумала, что-то случилось и пострадали люди. Прибежала и увидела, что все, к счастью, целы, только земля в одном месте провалилась. Господин Шуфель – это главный над строителями – сказал, что они сложили в центр двора каменные плиты, а он взял – и провалился. Вот, в общем-то, и вся история. Плиты они вытащили, а дырка осталась... А я потом посмотрела – всё грязное, все в пыли... а ступеньки – чистые. Разве так бывает?

– Конечно, бывает, если магия, – почесав в затылке, сказал Альберт, – например, я слышал про всякие заклинания, что не дают пыли скапливаться...

– Магия? У нас, в Истралии? – я круглыми глазами посмотрела на него. – У нас её полторы тысячи лет не было никакой.

– А мост? – спросил Альберт и посмотрел на меня своими чистыми голубыми глазами. – Он же есть. Я точно знаю, потому что я по нему прошёл. А что он, если не магия, леди?

Честно говоря, я не нашлась, что ответить: действительно, как ещё можно объяснить наличие призрачного моста, по которому Берт прошёл из одного конца страны в другой. Только магией.

Переглянувшись, мы с Альбертом опасливо заглянули в тёмный провал, куда уходили чистые ступеньки, и я, вздохнув, спросила:

– Ну что? Пойдём вниз?

– Да вы что, леди Кэтрин! – остановил уже готовую шагнуть в неизвестность меня Берт. – Да разве ж можно так?

– Как? – растерялась я, снова отступая от ступенек.

– Без подготовки, наобум, – он укоризненно посмотрел он на меня, и я тут же устыдилась, – а воды взять, а факелы, в еду какую-нибудь на всякий случай? Нам же не ведомо, что там внизу, верно?

– Да и тёплые плащи, наверное, да? – я прониклась и даже выдала толковую идею.

– Очень верно вы это вспомнили, леди, – одобрительно кивнул Альберт, – себе непременно возьмите, а у меня свой есть. Ну так что, пойдёте, всё соберём да и отправимся.

– А больше никого с собой брать не будем? – я вдруг подумала, что совсем не знаю этого здоровяка, хотя, с другой стороны, ему выгоднее, чтобы я была живой и здоровой: кто ещё ему такую службу предложит?

– Опасаетесь, леди? – верно истолковал мой вопрос солдат, точнее, уже капрал, и подоброму улыбнулся. – Это правильно, нельзя всем доверять.

– И вам нельзя? – спросила я, чувствуя некоторую неловкость из-за того, что он угадал мои сомнения.

– Мне – можно, – абсолютно серьёзно ответил Альберт и пояснил, – меня к вам сама судьба привела, а с ней спорить нельзя. А уж обманывать её – так и совсем негодное дело. Так что ко мне спокойно можете спиной поворачиваться, леди, от меня вам не нужно опасаться ни предательства, ни лжи, ни удара в спину.

И так внушительно это прозвучало, что я только молча кивнула, подумав про себя, что это здорово – иметь такой надёжный тыл, вон, мышцы какие! И меч у него, опять же, имеется, если что вдруг...

Пройдя сквозь толпящихся запylённых строителей, как горячий нож сквозь масло, Альберт распахнул передо мной тяжеленную дверь в замок так легко, словно она была игрушечной. Пропустив меня вперёд и напомнив, что именно нужно взять, он вернулся на крыльцо, и я услышала, как он непререкаемым тоном приказывает перенести костёр с котелком за замковую стену, так как здесь он создаёт угрозу пожара. А если кого-то что-то не устраивает, то можно жаловаться начальнику гарнизона, то есть ему, капралу Альберту Стоуну. Как ни

странно, желающих обратиться с претензией не нашлось, и у меня появилась робкая надежда, что когда мы вернёмся из своей экспедиции, котла с едой во дворе уже не будет. Да за одно это я готова была дать Альберту любое звание и любую должность.

Так как при разборе кладовок я нашла уйму полезных вещей и сложила их в ящики, то сейчас без особого труда отыскала две большие кожаные фляги и наполнила их водой. Потом подумала и взяла ещё одну, поменьше, налив в неё бренди – исключительно на всякий случай. Пройдя на ещё не до конца обустроенную кухню, наполнила небольшую корзинку хлебом, вяленным мясом, взяла кусочек сыра и несколько ломтей яблочной пастилы – ну вот люблю я её, что уж там...

Прихватив тёплый плащ, найденный в одном из шкафов и временно служащий мне подушкой в тех случаях, когда я ложилась подремать прямо тут, я вышла на залитое солнцем крыльцо. Альберт уже успел запасть связкой просмолённых факелов, какой-то железякой, напоминающей лом, и большим мешком, куда и сложил все собранный мною припасы.

Когда я удивлённо на него посмотрела и спросила, а что же понесу, собственно, я, он снисходительно погладил меня по плечу и, подумав, выдал небольшой кинжал.

Таким образом, полностью экипированные, мы подошли к провалу в земле, сопровождаемые скорбными взглядами строителей и тихими всхлипываниями господина Шуфеля. Не успела я шагнуть на первую ступеньку лестницы, как он сорвался с места и, подбежав ко мне, жарко зашептал в ухо:

– Леди, а кто теперь распорядиться-то будет? Хатчинсон или ещё кто? С кем вопросы-то решать? И вообще, вы не думайте – памятник мы вам поставим всем на зависть, и даже скидку могу хорошую дать. Хотите?

– Почему мне памятник? – растерялась я и беспомощно взглянула на хмурого Альберта.

– Так на могилку ж, – пояснил, вздыхая и лихорадочно блестя глазами, господин Шуфель, – вы же сейчас прямиком в тот мир и спуститесь.

– В тот – это в какой? – я перестала вообще что-либо понимать.

– Загробный, какой же ещё, – искренне удивился моей непонятливости господин Шуфель, – оттуда никто не возвращается. Так что насчёт скидки? Могу предложить эф-риссарский белый мрамор... прелесть что за камень! Сам бы лёг под такой, но не могу – дело пока некому оставить.

– Вообще-то я планирую к вечеру вернуться, возможно, даже раньше, – осторожно сказала я и, судя по печальному выражению лица, разрушила тем самым все надежды чудесного господина Шуфеля.

Альберт сурово глянул на строителей и многозначительно кашлянул. Они слегка отодвинулись и сделали вид, что заняты очень важными делами. Я подумала и сказала:

– К моему возвращению чтобы треть забора была в порядке. Иначе вычту из заработка. Всем всё понятно?

Распорядиться, чувствуя за плечом мощную – во всех смыслах – поддержку было легко и приятно. Строители её тоже оценили и закивали, хотя и без энтузиазма.

Альберт шагнул на ступеньку, на секунду застыл и бодро начал спускаться по лестнице, а я пошла за ним. Не сказать, чтобы бодро, но стараясь не отставать: только потеряться мне не хватало.

Не буду кривить душой: мне очень хотелось, чтобы лестница быстренько упёрлась в какой-нибудь непреодолимый каменный завал, и мы с Альбертом, повздыхав, отправились бы обратно. Но боги были явно чем-то заняты и моих молитв не услышали.

Вместо того, чтобы быстро закончиться, лестница начала плавно изгибаться, закручиваясь в огромную спираль. Альберт, примеряясь к моим шагам, медленно шёл вперёд, не забывая оставлять на стенах через равное небольшое расстояние значки, которые, если что, под-

скажут нам дорогу обратно. Ступени были по-прежнему гладкими и чистыми: словно кто-то регулярно делал здесь уборку.

Стены этого странного бесконечного подземелья были гладкими и очень холодными: буквально через десять минут я попросила и Альберта свой плащ и закуталась в него.

Вдруг идущий впереди Берг остановился, и я, чуть не врезавшись в него, осторожно выглянула из-за его плеча.

– Ой... – гулко сглотнув, проговорила я, – а это кто... такое?

Альберт тоже молчал и только озадаченно смотрел вперёд, не двигаясь, впрочем, с места.

– Альберт, как ты думаешь, – я от волнения перешла на «ты», но здоровяк не обратил на это ни малейшего внимания, – это что такое? Оно живое вообще? Или так... мусор просто?

– Да кто ж его знает, леди? – начальник моего гарнизона задумчиво почесал в затылке. – На вид вроде трава или мох такой, но, согласитесь, странный какой-то... Мне такого прежде видеть не доводилось.

– Мне тоже, – вздохнула я, и мы оба снова усталились на то, что преграждало на путь.

Прямо посреди лестницы, на небольшой полукруглой площадке, после которой ступеньки спокойно продолжались, лежала большая куча чего-то непонятного. Это загадочное «что-то» было похоже на небольшую заросшую мхом кочку, если бы только в природе нашёлся мох такого восхитительного радикального чёрного цвета. Такая небольшая горка иссиня-чёрного мягкого... чего-то.

И только я собралась посоветовать Альберту потыкать в кочку железякой, которую он прихватил с собой, как она слегка шевельнулась, а я взвизгнула и спряталась за Альберта, которому, увы, прятаться было уже не за кого. Впрочем, мой капрал не выглядел очень испуганным, ну, или очень умело это скрывал.

– Приветствую тебя, страж лестницы, – негромко проговорил Альберт своим низким мягким голосом, – не позволишь ли побеспокоить тебя?

– Страж лестницы? – шепнула я с искренним недоумением. – Ты что, знаешь, что это... кто это такой?

– Нет, – так же тихо ответил Берг, – но на мосту я встретил тоже кого-то чёрного, он, правда, выглядел по-другому, но что-то общее в них есть. Так вот, тот оказался стражем моста. Я и подумал, леди, что, может быть, в таком случае, этот – страж лестницы.

– А оно разговаривать умеет? Как ты думаешь, если мы попросим, оно нас пропустит? Или хотя бы, может быть, скажет, куда ведёт эта лестница...

Холм шевельнулся активнее, и откуда-то из его середины донёсся сварливый голос:

– И кто это вас, скажите на милость, леди назвал? Настоящие леди иначе воспитаны, они не говорят о присутствующих так, словно их тут нет.

Я жутко смутилась, но по-прежнему не понимала, к кому и как мне обращаться, потому что разговаривать с кочками меня не учили. Покосившись на меня, разговор начал Берг, как наименее проштрафившийся из нас.

– Прости нам невежество, страж лестницы, – вежливо сказал богатырь, поклонившись моховой кочке, а я подумала, что это выглядит невероятно странно: здоровенный воин кланяется какой-то говорящей кучке непонятно чего. Хотя сам факт наличия этого говорящего мха – это уже повод усомниться в собственном здравомыслии, – не подскажешь ли ты нам, куда ведёт эта замечательная лестница?

– Не подскажу, – ответила кочка, не стараясь скрыть злорадства, – и не пропущу.

– Почему? – кротко спросил Альберт, – мы не причиним никому никакого вреда, просто эта лестница вдруг появилась во дворе замка, где живёт эта напуганная юная леди.

Тут он покосился на меня, и я тут же постаралась принять вид девицы если и не смертельно напуганной, то сильно опасавшейся. Судя по одобрительному кивку Альберта, получилось неплохо. Кочка тем временем завозилась, расплылась почти в лужицу, потом наоборот,

собралась в столбик и наконец-то приобрела вид... кочки. Высокой чёрной моховой кочки с тремя ярко-сиреневыми глазами, расположенными в ряд.

Мы ошалело застыли, а кочка внимательно рассматривала нас, бурча что-то явно неодоб- рительное.

– Ну и где вы болтались столько времени? – поинтересовалась после минутного рассмат- ривания нас кочка. – Тут уже заждались все, можно сказать.

– Эмм... – Альберт растерянно посмотрел на меня, но я недоумевающе пожала пле- чами, – а нас ждали?

– Конечно, – проворчала кочка, – а вы что думаете, я здесь на холодной лестнице лежу для собственного удовольствия?

– А вы уверены, что ждёте именно нас? – честный Альберт не хотел, чтобы нас приняли за кого-то другого, но кочка басовито заухала, и я вдруг поняла, что это страж так смеётся.

– Ух...ух... Ну конечно, вас, кого же ещё-то? Уже лет сорок как жду. Где болтались-то?

– Сорок? – я не удержалась и влезла в разговор, – тогда вы точно ждёте не нас, мне только недавно двадцать один исполнился...

– А мне тридцать... – добавил Альберт, который, судя по выражению лица, тоже мало что понимал.

– Да мне без разницы, – грубовато ответила кочка, – двадцать... тридцать... Какая чепуха, это вообще не имеет никакого значения.

– А что имеет? – это снова я.

– То, что мне нужно было дождаться Деву и Мечтателя, – сказала кочка и уставилась на нас всеми тремя глазами, считая, видимо, что нам стало понятнее.

– А где они? – я огляделась по сторонам, но, разумеется, никого не увидела.

– О Пятикрылый и все силы его! – воскликнула кочка и наверняка всплеснула бы руками, если бы они у неё были. – Так вы же они и есть. Вы что, ничего про себя не знаете?

– Нет, – хором ответили мы с Альбертом, в очередной раз переглянувшись, – не знаем...

Кочка растерянно замолчала, хлопая лиловыми глазами и, видимо, соображая, что с нами, такими дремучими, делать дальше.

– Ладно, – подумав, сказала она, прикрыв один глаз и сразу начав выглядеть куда симпа- тичнее: всё же три глаза – это очень странно, – считайте, что вам повезло...

Мы с Бертом активно закивали головами, соглашаясь, что нам, несомненно, просто очень-очень повезло, вот прямо невероятно. Осталась малость – понять, в чём именно.

– Простите, – обратилась я к кочке, – мы не очень удачно начали наше знакомство, поз- вольте мне исправить мою ошибку. Я леди Кэтрин, графиня Мабридж, могу я узнать ваше имя?

– Пчиххельс, – ответила кочка, и я поспешила ответить:

– Будьте здоровы!

– Это не чихание, – разозлилась кочка, – это имя. Между прочим, очень древнее, так что нечего над ним смеяться!

– И в мыслях не было! – уверила я, мысленно подивившись фантазии родителей, давших ребёнку такое имечко. А с другой стороны – я что, много знаю о привычках и обычаях маги- ческих существ? Да я об их реальном существовании узнала только сегодня!

– Хорошо, поверю, – чёрный моховой Пчиххельс подозрительно прищурил все три глаза и продолжил, – согласно одному очень древнему пророчеству однажды в Замке соберутся пять существ, от которых будет зависеть будущее мира. Это будут Дева, Мечтатель, Воин, Творец и Пастух. На их долю выпадут немыслимые испытания, и от результата будет зависеть будущее не только Истралии, но и всего мира.

– Это точно не про нас! – я уверенно махнула рукой и расслабилась. – Мы с Бертом точно не герои древних пророчеств, верно?

Я с улыбкой повернулась к Альберту, и тут же нахмурилась, так как мой спутник стоял, сумрачно глядя куда-то себе под ноги и размышляя о чём-то своём.

– Альберт, ты о чём так глубоко задумался? Мне это почему-то очень сильно не нравится... – я обеспокоенно дотронулась до рукава своего начальника замкового гарнизона, – ты что-то про это знаешь, да?

– Вообще-то нет, леди, – покачал он головой, – просто страж моста тоже что-то такое похожее говорил, я только не помню точно, что. И про мечты спрашивал – вот это запомнил очень хорошо... Но какой же из меня герой пророчества? Я же солдат простой, даже если вы, леди, и пожаловали мне звание капрала: суть-то от этого не изменится.

– А скажи-ка, служивый, – раздался снисходительный голос Пчиххельса, – ты случайно не мечтал стать капралом? Ну, в глубине души?

– Какой же солдат не мечтает стать маршалом? – улыбнулся ему Альберт. – Мечта же она для того и придумывается, чтобы грезить о ней у костра во время дежурства и знать, что она никогда не исполнится.

– Так, Альберт, – напряглась я, – а о чём ты ещё мечтал во время этих своих дежурств? Надеюсь, никаких драконов, оборотней и прочих давно вымерших существ там не было?

– Почему вымерших-то? – внезапно вступился за оборотней и драконов моховой Пчиххельс. – Хорошо, что тебя никто из них не слышит – обидчивые они ужас какие!

– Альберт! – я внимательно смотрела на смутившегося капрала и предчувствовала большие, просто гигантские неприятности.

– Ну, о приключениях я мечтал, конечно, – неохотно признался Берт, и я мысленно застонала, – но о таких, которых не бывает, это же мечта...

– Уважаемый, Пчиххельс, – очень уважительно обратилась я к нашему чёрному консультанту, и он скосил на меня все три сиреневых глаза, – а не подскажите ли, в чём, так сказать, роль этих Мечтателя и Девы? Что говорит об этом ваше древнее пророчество?

– Оно говорит, что четыре мужчины и одна девушка взвалят на свои плечи непосильный груз: бремя спасения мира, – с подвыванием начал Пчиххельс, и я хотела поторопить его, но предусмотрительно промолчала, а то обидится – и вообще ничего не скажет, – и соберутся они в ПрОклятом замке, откуда и отправятся в свой бессмертный поход!

– И это всё? Понятно, – помолчав, ответила я, стараясь не обращать внимания на восторженное выражение лица Альберта, – а конкретнее: в чём наша задача, если на секунду допустить, что речь идёт именно о нас?

– Конечно, о вас, – проворчала кочка, моргая сиреневыми глазами, – ты – Дева, а он – Мечтатель.

– Откуда вы знаете? – решила всё-таки докопаться до истины я. – Может, Альберт кто-то другой? Кто там был? Воин? Вот он как раз солдат и есть. С чего вы взяли, что он именно Мечтатель?

– Нет в нём духа истинного Воина, – пояснил Пчиххельс, – да и по призрачному мосту мог пройти только Мечтатель: никому другому он не открылся бы.

– Почему? – это уже Альберт решил отвлечься от очередных мечтаний и присоединиться к нам. – Почему не открылся бы?

– Так его же нету, – пожал моховыми плечами Пчиххельс, – он только для Мечтателя и существует. Вот ты откуда про мост узнал?

– Так Генри рассказал, трактирщик, – пояснил удивлённый Альберт, пытающийся понять, как это он умудрился пройти по мосту, которого как бы и нет.

– И о чём ты тогда подумал? – задал наводящий вопрос Пчиххельс, а я, кажется, поняла, к чему он ведёт, и мои догадки мне как-то не очень понравились. Если откровенно – совершенно не понравились, ибо грозили большими проблемами.

– Если честно, – тут мы с Пчиххельсом дружно закивали, – то я подумал, что было бы невероятно здорово, если бы мне удалось увидеть этот мост, а пройти по нему – вообще предел мечты... ний...

На последнем слове Альберт запнулся и посмотрел на нас своими наивными детскими голубыми глазами, в которых неотвратимо заигралась искра понимания.

– Начал понимать, вижу, – сиреневые глаза Пчиххельса довольно прищурились, – ты – истинный Мечтатель, парень. Только необученный...

– Правильно ли я понимаю, – решила я расставить все точки над всеми буквами, – что Альберт обладает способностью воплощать в жизнь свои мечты? То, о чём он мечтает, сбывается... Рано или поздно, так или иначе, но оно происходит в реальности?

– Совершенно верно, – кивнул наш консультант, снова растекаясь на полу в форме пологой кочки, – все Мечтатели такие. Мало их осталось, может, даже ты, парень, последний будешь.

– Альберт, – нервно хихикнула я, – а ты можешь помечтать, чтобы в замке быстренько закончился ремонт? И господин Шуфель со своими любителями тушёного мяса навсегда исчез из моей жизни?

– Не знаю, – Берт пожал могучими плечами, – надо попробовать...

– Не получится, – злорадно ответил Пчиххельс, открыв один глаз.

– Почему? – спросили мы с Альбертом хором, не сговариваясь.

– Не путайте желание и мечту, – как неразумным детям, пояснила нам кочка, – мечта – это то, что идёт из глубины сердца, её нельзя запланировать.

– А если я вдруг помечтаю что-нибудь неправильное или неприличное? – возмутился Берт. – Оно тоже исполнится?

– Конечно, – равнодушно ответил страж лестницы, явно не собираясь пропускать нас дальше, – вспомни как ты в юности мечтал о... ну, ты понимаешь, да?

– Понимаю, – Альберт покраснел, как юная выпускница пансиона для благородных девиц при виде полуголого гвардейца, – ну... так... в общем-то... так оно и вышло...

– Но это же ужасно! – негромко проговорила я, с сочувствием глядя на Альберта, – опасаться каждой мечты, контролировать каждую мысль и каждое желание...

– Так потому Мечтатели и вымерли почти, – пояснил Пчиххельс, – как устанут от контроля, так и помечтают случайно, чтобы всё поскорее закончилось... ну, оно и заканчивается... И рад бы обратно отыграть – а поздно, уже помечтал...

– А остальные – у них тоже своя роль какая-то есть у каждого? – спросила я. – И как они все найдут, куда им надо идти?

– А ты не переживай, Дева, – снизошёл до объяснений Пчиххельс, – они уже в пути, я чувствую, все стражи чувствуют.

– С Альбертом мы более или менее разобрались, – я покосилась на задумавшегося капрала, – а я тут при чём?

– Так для тебя всё и делается, – удивился Пчиххельс, распахнув сиреневые глаза, – победитель на тебе женится...

– На мне?! Вы сумасшедший?! – не очень вежливо, но зато от души воскликнула я. – Да боги сохрани меня от такого счастья!

– Почему? Ты принцесса, ты должна хотеть замуж, – сообщил мне удивлённый Пчиххельс, – это же все знают: принцессы всегда обязательно выходят замуж за принцев. Ну или даже за королей. В самом крайнем случае – за архимагов...

– Не исключено, – согласилась я, чувствуя, что понимаю в происходящем с каждой минутой всё меньше, – скорее всего, принцессы так и делают: ничего не могу сказать по этому поводу. Но я-то не принцесса!

– Ну как это – не принцесса? – Пчиххельс с сомнением уставился на меня всеми тремя лиловыми глазами. – Дева должна быть принцессой, это я совершенно точно знаю. Может быть, ты просто не знаешь, что принцесса, а?

– Мне жаль разрушать вашу стройную систему, но я – не принцесса, вот ни с какой стороны, – я с сочувствием посмотрела на озадаченную кочку и пожала плечами, – я графиня Мабридж...

– А, ну так бы и сказала, – успокоившись, протянул Пчиххельс и снова растёкся по полу, – а то аж напугала. Не принцесса она...ага...

– Не поняла, – я аккуратно огляделась: вдруг что-то изменилось, и мы уже находимся в каком-нибудь другом мире, где слова неадекватных моховых кочек имеют значение. Но нет – вокруг всё было по-прежнему: каменные стены, изгибающаяся спиралью лестница, площадка с Пчиххельсом в центре, – вообще-то я сказала, когда представлялась.

– Значит, я прослушал, – в голосе стража не было слышно ни малейшего раскаяния, – в общем, в тебе, как и во всех Мабриджах, настоящей королевской крови побольше будет, чем в нынешней королевской семейке, – пояснил он, – только предки твои или почему-то не захотели за трон бороться, или ещё что-то там у них случилось, я и не припомню уже – давно это было...

– То есть вы хотите сказать, что по крови я – принцесса? – я ошарашенно смотрела на Пчиххельса и пыталась собрать в кучку разбегающиеся мысли.

– А ты не такая глупая, какой кажешься сначала, – кочка моргнула и одобрительно ухнула, – соображаешь...

– Пойду-ка я домой... – задумчиво проговорила я, – пока я не узнала ещё чего-нибудь столь же... сногшибательного... Дома хорошо: там господин Шуфель, строители, яблоки и ремонт... Нет, остаюсь...

– Мы не можем уйти просто так, леди Кэтрин, – внезапно очнулся Альберт, – мы должны узнать, что нам нужно делать дальше. Ты ведь нам подскажешь, страж лестницы?

– Да куда же я денусь-то? – сварливо проворчал Пчиххельс. – Раз уж вы появились, то надо выполнять свои обязанности. А ведь так хорошо лежал, никого не трогал...

– Мне казалось, вы жаловались как раз на скуку и покой, нет? – чисто из вредности спросила я. – Или у меня провалы в памяти?

– Точно принцесса, – обратился Пчиххельс почему-то к Альберту, – они все такие капризные и вредные. Ну говорил, и дальше что? Теперь всё время припоминать будешь?

Я жалобно посмотрела на Берта, и он ответил мне ободряющей улыбкой, от которой стало пусть чуть-чуть, но спокойнее. Хорошо всё-таки, что Мечтателем оказался именно этот славный великан, а не какой-нибудь пройдоха.

– Так что там с замужеством? – вернулась я к очень волнующей меня теме. – За кого я должна по вашим прикидкам замуж выйти?

– А тебе зачем? – как-то нелогично спросил Пчиххельс, погружённый в какие-то свои размышления. – Кто победит, за того и пойдёшь, вот проблему нашла...

– Хорошо, – кивнула я, чувствуя себя как во время разговора с тётушкой, когда на неё находило настроение ворчать и капризничать, – задам наводящий вопрос: победит в чём конкретно?

– В битве, – Пчиххельс приоткрыл один глаз, и в нём отчётливо мелькнуло ехидство, – я ответил?

– Нет, – по-прежнему спокойно сказала я, – не совсем. В битве кого с кем? Очень хотелось бы понимать...

– Добра и Зла, – Пчиххельс явно наслаждался нашей безумной беседой, аж все глаза открыл, – всё по пророчеству, строго по тексту, понимаешь?

– Нет, – я решила держаться до последнего, – вот, к примеру, дожёмся мы остальных, хотя я до сих пор не понимаю, откуда они узнают, куда именно надо идти... Ну да ладно, это их проблемы. Так вот... Дождёмся всех – и что дальше?

– Как что? Сюда приходите и топаете вниз, – пожал моховыми плечами страж, – а там уж как повезёт.

– В каком смысле? – я насторожилась. – Что там дальше?

– Другие миры, – сообщил нам страж так спокойно, словно сказал, что завтра, например, будет солнечно или, наоборот, пойдёт дождик, – и в каждом нужно найти определённый предмет, который необходим для того, чтобы собрать Корону.

– Какую Корону? – боги, пусть меня кто-нибудь ущипнёт, и я проснусь, потому что того, что происходит, быть не должно: оно никак не укладывается в мою картину мира.

– Корону Короля, – невозмутимо ответил Пчиххельс, как будто от этого ответа стало хоть чуть понятнее.

– А кто у нас Король? – я всё ещё не теряла надежды разобраться в ситуации. – Он есть, или его ещё предстоит найти, или освободить, или что там ещё с королями в ваших пророчествах делают?

– Он сам вас найдёт, – торжественно провозгласил страж и приосанился, уж насколько смог.

– Где? – смиренно спросила я. – Где он нас найдёт? На лестнице? В одном из миров? В Замке?

– Не знаю, – неожиданно ответил Пчиххельс, – об этом пророчество умалчивает, там только говорится, что придут пятеро: Мечтатель, Дева, Пастух, Творец и Воин – и вступят в борьбу со злом. Они найдут детали от Короны Короля и возложат венец на его голову. И Дева станет его верной супругой и спутницей на веки вечные, а выжившие участники событий – ближайшими помощниками. А вот откуда возьмётся, собственно, Король – не сказано.

– Странное пророчество, – слегка недовольно сказал Альберт, и я была с ним полностью согласна, – и эта фраза о выживших... как-то мне не слишком нравится.

– Ну уж какое есть, – вдруг обиделся Пчиххельс, – другого всё равно нет.

– Скажите, а можно как-то отказаться от участия в этом...ммм...проекте? – вежливо поинтересовалась я. – Я, как мне кажется, не готова ни морально, ни физически к таким авантюрам. Можно я просто буду делать ремонт, а?

– Нельзя, – равнодушно прикрыв глаза, сказал Пчиххельс, – пророчество уже начало исполняться: вы же здесь...

– А мы уйдём, и никому не скажем, что приходили, – предложила я удачную, с моей точки зрения, альтернативу, – а вы ещё лет сорок подождёте...

– Не получится, – зевнув, ответил страж, – остальные уже в пути...

– Пойдёмте, леди Кэтрин, – Альберт протянул мне руку, – нужно уметь принимать свою судьбу, какой бы неожиданной она ни была.

9

9

Графство Мабридж, поместье Эппл-Гроув,

29 мая 1409 года от Последней Битвы (ПБ)

– Альберт! Ты где? – я стояла на крыльце и в нетерпении оглядывалась в поисках Берта, который за эти несколько дней стал мне необходим, как воздух. Этот здоровяк с детскими голубыми глазами сумел не только приструнить щебечущую стаю господина Шуфеля и убрать из двора котёл, но и привнести в мою жизнь некое подобие логичности, упорядоченности и, главное, защищённости. Само его присутствие успокаивало, а когда он смог один выгнать из двора стаю подозрительно выглядящих собак, я прониклась окончательно

Он тихо и незаметно, с помощью кузнеца Тома и трактирщика Фреда, набрал в окрестных деревнях полтора десятка крепких парней, которые захотели стать стражниками в замке. С неизменной невозмутимостью и доброжелательностью он начал муштровать этих привыкших к свободной жизни деревенских красавцев. После двух драк, трёх вывихнутых рук и десятка выбитых зубов в моём новорождённом гарнизоне настали покой, тишина и взаимное уважение. Через неделю парни уже бодро маршировали и сносно держали в руках деревянные учебные мечи. Я из любопытства попробовала поднять один такой: чуть не отбила ногу и не вывихнула плечо. Надо мной беззлобно посмеялись, отобрали опасную для моего здоровья игрушку и посоветовали научиться чему-нибудь менее травмоопасному. Например, метать кинжалы или ножи. Я подумала и согласилась, поэтому плюс ко всем своим бесчисленным обязанностям Берг ежевечерне по часу занимался со мной, обучая хитрой науке: как попасть ножом туда, куда нужно, а не туда, куда он нечаянно полетел.

Вот и сейчас Берг в итоге обнаружился во внутреннем дворе, где пытался убедить сына пекаря, молчаливого Вилли, переложить тренировочный меч из левой руки в правую, объясняя, что держать оружие в левой – неправильно. Вилли соглашался, перекладывал неподъёмную деревяшку в правую руку, но буквально через минуту меч снова оказывался в левой. Этот конфликт «Вилли-рука-меч» длился с самого первого дня, и мне казалось, что даже невозмутимый Берг отчаялся его хоть как-то решить.

– Леди, там пришли какие-то два человека и спрашивают хозяина замка, – подбежал ко мне один из стражников, Леон, дежуривший сегодня на воротах, – на вид вроде не разбойники, хотя непонятные какие-то.

Я кивнула и, с сочувствием поглядев на мучающегося Вилли, пошла проверять, кто же это вдруг осчастливил меня своим визитом. Явно не из соседей: во-первых, их узнали бы, а во-вторых, все в курсе, что у меня в замке ремонт, и спокойно ждут приглашений на, так сказать, новоселье.

Возле ворот действительно стояли двое: молодые, явно после достаточно долгого путешествия, резко отличающиеся внешне от местных жителей. Я не очень хорошо разбираюсь в особенностях черт различных народов, но в гостях чувствовалась южная кровь. Я бы предположила, что они откуда-нибудь из Эф-Риссара, но это же другой конец мира, да и что эф-риссарцам делать у меня в замке? Хотя... может, они привезли наконец-то этот злополучный мрамор?

– Добрый день, – я вежливо улыбнулась гостям, подойдя к воротам и не торопясь приглашать их внутрь, – я хозяйка замка, леди Кэтрин Мабридж, чем могу быть полезна, господа?

– Добрый день, леди Кэтрин, – поклонились быстро переглянувшиеся мужчины, – можем ли мы попросить вас о недолгой беседе?

– Вы привезли этот несчастный мрамор? – с надеждой спросила я и разочарованно вздохнула, увидев в глазах гостей абсолютное непонимание. – Понятно, значит, нет...

– Мы по несколько иному вопросу, – взял слово тот из мужчин, который казался немного старше, – вы позволите нам войти?

– Только во двор, – подумав, решила я и сделала знак, по которому Леон распахнул перед гостями тяжёлые ворота, – простите, у меня в замке ремонт, и пока в приличном состоянии только мой кабинет. Поэтому давайте поговорим во дворе.

– Как скажете, леди, – поклонился тот, что выглядел моложе, – мы прибыли издалека...

– Это я уже поняла, – я улыбнулась, – так как только долгий путь извиняет вашу невежливость. Вы до сих пор не назвали своих имён.

Мужчины покраснели, а старший пробормотал что-то явно неодобрительное, надеюсь, в свой адрес, а не в мой.

– Простите, леди Кэтрин, – склонил голову младший, – долгий путь действительно не лучшим образом сказался на моих манерах. Позвольте представиться: я Фаруз, старший сын

императора Эф-Риссара Михаила V. Нет, леди, я не шучу, поверьте! – добавил он, увидев на моём лице выражение, мягко говоря, недоверия. – Просто я путешествую исключительно как частное лицо, а не как представитель императорской семьи. У меня всего пятеро сопровождающих, и они остались в трактире в этой чудесной деревне внизу.

– Тогда, видимо, вы – как минимум король в изгнании, – пошутила я, взглянув на второго гостя, и запнулась, увидев мелькнувшую на секунду в глазах незнакомца боль, застарелую, спрятанную глубоко.

– Ну что вы, леди, конечно же, нет, – сильный глубокий голос завораживал, – я всего лишь странствующий учёный, бард, лекарь, маг – всего понемножку. Моё имя – Бэйл.

– Лорд Бэйл? – уточнила я, так как на простолюдина этот человек походил так же мало, как Альберт на грабителя.

– Просто Бэйл, – мягко ответил маг и улыбнулся, а я подумала о том, что у него удивительная внешность: невероятно привлекательная, хотя и чувствуется в нём скрытая сила и опасность.

– Очень приятно, господа, но что могло привести вас в Эппл-Гроув? – я действительно не понимала, каким загадочным образом у моих ворот могли оказаться эф-риссарский принц и странствующий маг. Моя жизнь в последнее время, конечно, не отличается логичностью и предсказуемостью, но не настолько же!

– Мы слышали, – слово взял Бэйл, – что в Эппл-Гроув хранится древняя библиотека, некоторые экземпляры книг из которой составили бы гордость любого коллекционера.

– Не исключено, – не стала спорить я, – что она где-нибудь в замке и есть, но я пока до неё не добралась, а спросить, увы, не у кого. Так что если вам нужна эта библиотека, в существовании которой я сомневаюсь, если честно, то приходите через годик – я как раз закончу с ремонтом.

– Вы сами занимаетесь ремонтом, леди? – в голосе того, который представился как принц Фаруз, слышалось искреннее недоумение. – Но почему?

– Ну не совсем сама, конечно, – улыбнулась я, – камни я не таскаю, стены не штукатурю, мебель не двигаю. Но руковожу этим сумасшедшим домом действительно я.

– Как случилось так, что не оказалось никого, более... – спросил назвавшийся Бэйлом, запнувшись, – более подходящего для этого очень непростого занятия? Неужели у вас нет помощников?

– Почему же, есть, – пожалала плечами я, – у меня есть управляющий, господин Хатчинсон, который взял на себя все вопросы, касающиеся закупки материалов, а также финансовую и прочую документацию. И есть начальник только что созданного замкового гарнизона – капрал Альберт Стоун. А ещё есть чудесный господин Шуфель: он главный над строителями.

– И всё? – растерянно спросил Фаруз, и мужчины переглянулись. – Но это же неправильно!

– Не могу с вами не согласиться, это совершенно неправильно, – не стала спорить с очевидным фактом я, – но у нас, видите ли, просто нет вариантов. Дело в том, что владелицей Эппл-Гроув я стала относительно недавно, и по завещанию должна привести замок в надлежащий вид. А вот как конкретно я должна это сделать – об этом документ, увы, умалчивает!

– Но вы же можете выйти замуж и перепоручить это непростое дело супругу, – высказал оригинальную версию Фаруз.

– Тоже вариант, – я снова послушно согласилась, – вот только выберу между милейшим лордом Шелвудом шестидесяти лет и господином Дайсоном. Последний, правда, не совсем подходит мне по социальному статусу, но зато по сравнению в лордом Шелвудом он практически юноша – ему всего сорок пять.

– А других кандидатов что, нет? – снова изумился Фаруз. – Более подходящих?

– Откуда бы такое счастье? Нет, конечно, – я пожала плечами, – вы, видимо, плохо представляете себе, насколько Эплл-Гроув замкнутое и отдалённое место. Женихов подходящего возраста и статуса здесь разбирают ещё в младенчестве.

– И как же вы? – подал голос Бэйл. – Неужели такая очаровательная девушка должна в перспективе составить счастье какого-нибудь пожилого вдовца? Это несправедливо, вы так не считаете?

– Ещё как несправедливо! – я усмехнулась. – Но об этом я подумаю когда-нибудь потом, а сейчас у меня несколько иные проблемы. Так что, надеюсь, вы извините меня: я пойду заниматься делами. Вряд ли в ближайшее время у меня руки дойдут до библиотеки, к тому же ни в каких документах она даже не упоминается. Так что не хочу, конечно, вас огорчать, но, боюсь, свой путь вы проделали совершенно напрасно.

Мужчины в очередной раз переглянулись, и вперёд выступил Бэйл.

– Леди Кэтрин, вы позволите так к вам обращаться? Мы, барды, привыкли, что нам позволено чуть больше, чем остальным, – его странно притягательное лицо осветила улыбка, неожиданная мягкая и тёплая, – у нас есть к вам предложение: мы хотели бы ненадолго задержаться и, возможно, попытаться всё же отыскать упомянутую нами библиотеку. Заодно, возможно, мы сможем чем-нибудь вам помочь?

– Да, – присоединился к спутнику Фаруз, – я мог бы помочь в тренировках вашего гарнизона и вообще в организации, скажем так, силовой и военной стороны жизни замка. Не думаю, что ваш капрал обладает теми же знаниями, что и принц, пусть и ненаследный. Я не хвастаюсь, – поспешно добавил он, заметив, видимо, насмешливое выражение, невольно возникшее на моём лице, – просто меня готовили именно руководить и именно войском.

– Ну, не уверена, что те полтора десятка вчерашних крестьян, которые составляют замковый гарнизон, можно назвать войском, но за предложение спасибо. Думаю, Альберт не отказался бы от помощи.

– А я мог бы помочь вам разобраться со старой магической защитой и сплести новую, – в свою очередь предложил Бэйл, – старинные замки обычно обладают очень мощной магией, в которой под силу разобраться не каждому.

– И что я буду вам должна за это? – спокойно уточнила я, и не собираясь отказываться от их помощи только потому, что я их не знаю. Хотя интуиция в полный голос твердила, что с ними что-то не так.

– Мы просим разрешения пожить какое-то время в замке, – осторожно проговорил Бэйл, – если вы, леди Кэтрин, не возражаете. Заодно и библиотеку поищем.

– Я не возражаю, – ровно отозвалась я, внимательно рассматривая гостей, – но при одном условии.

– При каком? – Фаруз, казалось, был заранее готов согласиться, даже не уточняя, и это лишь укрепило меня в моих догадках. А вот Бэйл бросил внимательный и острый взгляд, прочитать который я не смогла.

– Вы честно расскажете, зачем вам нужно остаться в моём замке. Историю про коллекционеров старинных книг оставьте для кого-нибудь другого.

– В каком смысле – честно? – очень натурально изобразил Фаруз удивление пополам с возмущением. – Вы нам не верите? Почему?

– Потому что за последние пару дней произошло слишком много странных событий для того, чтобы появление у ворот замка эф-риссарского принца и мага я сочла бы случайностью. Не сегодня, господа, не сегодня....

– А что такого произошло? – тут же напрягся Бэйл и впился в меня своими светлыми глазами, очень странно контрастировавшими со смуглой кожей и чёрными бровями.

Я внимательно посмотрела на него, вздохнула и посторонилась, пропуская гостей в дом. После фееричной беседы с неповторимым господином Пчиххельсом я готова была во всём видеть неведомые знаки грядущих изменений.

– Эта тема не для разговора во дворе, – пояснила я в ответ на удивлённые взгляды мужчин, – пойдёте в мой кабинет. Если мои догадки верны, вы всё равно добром не уйдёте. Так что придётся как-то договариваться и как-то сосуществовать.

– Вы говорите загадками, леди, – очень серьёзно сказал Бэйл, но в глазах мелькнуло что-то очень похожее на облегчение, – но мы готовы к диалогу.

– То есть я права, – я даже не спрашивала, а просто делала вывод, – вы появились не просто так, и придуманная библиотека – лишь предлог.

– Не совсем, – сказал Бэйл и вдруг замер, потрясённо глядя на семилучевую звезду, украсившую пол в холле, – леди Кэтрин, кто выложил эту септаграмму?

– Что выложил? – я нахмурилась и непонимающе посмотрела на мага.

– Септаграмму, иначе говоря – семилучевую звезду, её ещё иногда называют эльфийской звездой, – пояснил Бэйл, не отрывая горящего взгляда от узора, выложенного из мраморных плит.

– Не знаю, – я пожала плечами и посмотрела на звезду с некоторой опаской: мало ли, что там она умеет, – она тут всегда была, насколько я понимаю. Скорее всего, её выложили те, кто этот замок построил. Давно, лет через триста после того, как последние маги покинули Истралию. Вы что-то об этом знаете?

– Конечно. Например, то, что маги никогда окончательно не покидали Истралию. Они просто не афишировали своё присутствие.

– Это очень интересно, но давайте вернёмся к нашим вопросам: что вам нужно в моём замке?

Я усилием воли заставила себя оторваться от рассматривания загадочной септаграммы и распахнула перед гостями дверь в кабинет, успев подумать о том, что, по идее, кресел должно хватить.

Жестом предложив мужчинам располагаться, я села в «хозяйское» кресло и положила руки на подлокотники так, чтобы фамильное кольцо Мабриджей, которое я получила вместе с доступом к счёту, было видно. Пусть не думают, что я какая-нибудь самозванка, распоряжающаяся чужой собственностью.

– Итак, лорды, – я посмотрела на внезапных гостей, – я внимательно вас слушаю. И давайте договоримся сразу: если не планируете говорить правду, лучше сразу расстанемся и не будем отнимать друг у друга драгоценное время.

– Леди Кэтрин, – глубокий проникновенный голос барда обволакивал, гипнотизировал, – я клянусь рассказать ту часть правды, которая не навредит вам. Поверьте, вся, – тут он сделал многозначительную паузу, – вся правда обо мне и моих целях вам совершенно ни к чему. Моя жизнь полна тайн и опасностей, и не по-мужски взваливать их на женские плечи.

– Вы плохо знаете женщин, лорд Бэйл, – улыбнулась я и добавила, заметив его недовольно нахмуренные брови, – простите, но я не могу заставить себя обращаться к вам иначе – вы именно лорд, причём не из последних, это очевидно. Так вот, вы плохо знаете женщин: самый надёжный способ заинтересовать нас и вызвать наше любопытство – это намекнуть на тайны и загадки. Теперь я не успокоюсь, пока не разужнаю хотя бы часть ваших ужасных секретов.

Я обезоруживающе улыбнулась напрягшемуся было Бэйлу, но ситуацию разрядил принц. Как всё-таки странно это всё: у меня в полуразрушенном замке в маленьком кабинете сидит эф-риссарский принц. То, что он ненаследный, как-то не сильно смягчает картину.

– А я вот могу рассказать всё, – Фаруз сверкнул улыбкой, – у меня, в отличие от Бэйла, нет никаких тайн и секретов, поверьте, леди Кэтрин. Я ведь могу тоже обращаться к вам так, без официальных титулов?

– Можете, – подумав, согласилась я, – что-то подсказывает мне, что я не слишком скоро избавлюсь от вашего общества. Нет, я ничего не имею лично против вас, но как-то всё уж слишком внезапно. Впрочем, простите, я перебила вас.

– Я ехал целенаправленно в ваш замок, леди, – начал Фаруз, глядя на меня честными глазами, – так как мой наставник, Шару, – мне показалось, или при имени наставника принца щeka Бэйла слегка дёрнулась, – сказал, что вернуть мою природную магию, точнее, разбудить её, можно. Но для этого нужна старая книга заклинаний, которая хранится в забытой всеми замковой библиотеке в далёкой Истралии, в Эппл-Гроув...

– Вы маг, ваше высочество? – я изумлённо посмотрела на принца, так как живых настоящих магов не видела никогда в жизни.

– Моя мать, халинская принцесса Алаят, была из древнего магического рода, – пояснил принц, – и чтобы пробудить во мне эту наследственную магию, нужен определённый ритуал, описание которого и находится в той самой книге. Так что, леди Кэтрин, вы же понимаете – я готов по камешку разобрать и снова собрать ваш замок, лишь бы найти эту книгу.

– Понимаю, – я кивнула и посмотрела на принца, – но почему-то мне кажется, что это не всё, ваше высочество... Я права?

– Во-первых, прошу вас, обращайтесь ко мне просто по имени, я ведь здесь как частное лицо, – принц просто излучал доброжелательность, и у меня всё хуже получалось подозревать его в чём-либо. Но интуиция, пребывавшая в панике после встречи с господином Пчиххельсом, шептала, что принц умалчивает о чём-то важном.

– Но, раз есть «во-первых», значит, неизбежно есть как минимум «во-вторых», – решила я ему помочь.

– Есть, – не стал спорить принц, – у меня были видения, в которых я видел именно этот замок...

– Видения? – я ошеломлённо посмотрела на Фаруза и заметила, что и Бэйл смотрит на него с не меньшим удивлением.

– Да, – твёрдо сказал молодой человек и повернулся к Бэйлу, – извини, я не сказал тебе, пока не был абсолютно уверен, что это действительно видения, а не просто сны.

– И что же ты видел? – напряжённо глядя на принца, спросил маг.

– Я видел этот замок, вот совершенно таким, какой он сейчас. Только в моих видениях всё время была луна, а не солнце, я не знаю, почему так...

– И ты видел не только себя, не так ли? – в голосе Бэйла было понимание, но не обида на то, что Фаруз что-то от него утаил.

– Да, – юноша опустил голову, а потом решительно выпрямился, – я видел тебя, Бэйл, и леди Кэтрин, хотя и выглядели вы совершенно иначе. В смысле – были словно старше, мне сложно описать... и одежда другая...

– А больше там никого не было? – я обречённо вздохнула, понимая, что эти двое – из перечисленных Пчиххельсом участников будущей авантюры.

– Были, – Фаруз внимательно всмотрелся в меня, – вы что-то знаете, леди Кэтрин, да?

– Кто там ещё был, Фаруз? – чуть резковато спросил Бэйл.

– Мужчина, по виду солдат, здоровенный такой, на вид типичный северянин, – прищурившись, стал вспоминать принц, – и парнишка эльфийской наружности, а уж эльф он или полукровка – не знаю.

– Ты поэтому и подошёл ко мне на шхуне? – уточнил Бэйл, задумавшись о чём-то своём. – Потому что видел и узнал?

– Нет, – Фаруз смущённо улыбнулся, – я подошёл, потому что мне понравилось, как ты пел... и баллада по душе пришлась. А вот пригласил с собой – да, потому что понял, что судьба всё равно сведёт нас вместе, так отчего же не помочь ей?

– Вы поёте, лорд Бэйл? – не удержалась я от вопроса.

– Да. Я же говорил, что среди прочего я ещё и бард, – тепло улыбнулся мужчина, и на этот раз улыбка коснулась и его странных светлых глаз.

– Я могу надеяться на то, что когда-нибудь вы нас порадуете своим исполнением?

– Разумеется, леди Кэтрин, разумеется, – он кивнул и снова спросил принца, – а ты в своём видении видел какое-нибудь место кроме замка?

Фаруз задумался, а потом покачал головой:

– Нет, всё остальное как в тумане. Я вот теперь думаю, что, может быть, целью видения было просто привести меня сюда и не разминуться с тобой в дороге?

– Всё может быть, – ответил Бэйл не слишком уверенно, – но мне кажется, что все эти вопросы скоро выяснятся.

В это мгновение в кабинет постучали, в двери показалась голова стражника Леона. Он нашёл взглядом меня и сделал страшные глаза:

– Леди, выйдите на минутку, будьте добреньки. Они же сейчас друг друга убьют!

– Кто? – я вскочила с кресла, и за мной тут же стремительно поднялись гости.

– Да Вилли с капралом!

– Боги всемогущие! – я подхватила и, даже не извинившись, побежала во внутренний двор, откуда доносилась отчаянная ругань, явно грозившая перерасти в драку.

Во дворе друг напротив друга стояли разъярённые Альберт и Вилли: оба здоровенные, красные от гнева, сжимающие кулаки.

– ... что тут непонятного? – сорванным голосом пытался крикнуть обычно сдержанный Берг.

– Да в гробу я видал вашу стражу эту, – так же хрипло отвечал Вилли, едва сдерживающий рвущиеся с языка ругательства, – я тебе объясняю, что не могу. Ты меня не слышишь! Вот сам и маши свои мечом!

– В чём проблема? – тихо спросил меня Фаруз.

– Вилли не может держать меч в правой руке, всё время перекладывает в левую, – быстрым шёпотом пояснила я суть конфликта, – а Берг бесится.

Принц кивнул и лёгким скользящим шагом вышел вперёд и встал между гневно сопящими противниками.

– Уважаемые, – обратился он к воикам, – я опытный воин и могу попробовать помочь вам устранить проблему.

– Чего? – Вилли на секунду отвлёкся от Берта, который, в свою очередь внимательно взглянул на гостей и перевёл вопросительный взгляд на меня. Я кивнула.

– Смотри, солдат, – принц изящно поднял валяющийся на земле деревянный меч, причём сделал это так легко, будто взял не тяжеленную деревяшку, а соломинку, – ты можешь в равной степени сражаться как правой рукой, так и левой.

– Никто не держит меч в левой, – упрямо возразил Берг, – это неправильно.

– На севере так не принято, я знаю, – принц говорил уважительно и спокойно, – но я учился на юге, в Эф-Риссаре, и у нас много тех, кто сражается левой рукой. И они считаются даже более опасными противниками, чем обычные солдаты. Противник ведь тоже сражается правой, понимаете?

– Ну? – Вилли хмуро смотрел на незнакомца, – и как я буду биться левой?

– Смотри, – принц взглядом попросил Берта взять в руку меч и принял боевую стойку, держа оружие в левой руке, – нападай, – предложил он.

Берт решительно кинулся в атаку, видимо, вкладывая в неё вызванный ссорой гнев, и удивлённо замер, когда, сделав неуловимое движение левой рукой, принц выбил у него меч.

– Видишь? – обратился он к Вилли. – Не важно, в какой руке меч, важно, чему ты смог научиться. Поэтому не злись на своего командира, он всё делает правильно, просто теперь он примет к сведению новые знания.

– Благодарю тебя, незнакомец, – вежливо ответил Берт, – не откажешься ли ты дать мне несколько уроков, как сражаться с противником, если тот бьётся неправильной рукой?

– Не откажусь, – улыбнулся принц, – почту за честь поделиться своими знаниями, – и он поклонился, по эф-риссарскому обычаю прижав ладонь ко лбу.

Берт ответил вежливым поклоном, по воинскому обычаю северян дважды стукнув себя крепко сжатым кулаком правой руки в левое плечо.

– А сейчас не позволишь ли мне принять участие в тренировке? – спросил Фаруз, легко улыбнувшись Берту и собравшимся вокруг них парням. – Я много времени провёл в пути и был лишён возможности заниматься с мечом.

– Не думаю, что ты сможешь найти здесь достойного противника, – усмехнулся Берт, – вряд ли наши умения хоть на десятую долю соответствуют твоим. И назови себя, гость. Я проявил невежливость, не представившись первым, прости меня. Я капрал Альберт Стоун, командир замкового гарнизона... будущего замкового гарнизона, если точнее.

– И ты прости мне мою неучтивость, капрал Стоун, – виновато склонил голову Фаруз, – я Фаруз, ненаследный принц Эф-Риссара, путешествующий исключительно как частное лицо. Поэтому и относиться прошу ко мне как к обычному странствующему воину, – добавил он, увидев, что Берт готов опуститься на одно колено, как и положено простому солдату перед лицом королевской крови.

– Ваше высочество, – поклонился Берт, а будущие солдаты совершенно по-простонародному вытаращились на принца: оно и понятно, где им в Эппл-Гроув было увидеть представителя правящей семьи. Пусть и заморский – но ведь принц! Виданное ли дело!

– Просто Фаруз, – мягко поправил старший сын императора Михаила, – в крайнем случае – мэджар – это воинское звание, которое я ношу в эф-риссарской армии, оно примерно соответствует вашему командиру полка. Но мне будет приятно, если ты, Альберт, будешь обращаться ко мне по-простому. Особенно если учесть...

– Не нужно сейчас об этом, – прервал принца подошедший Бэйл, – у нас ещё будет возможность поговорить.

– Разумеется, – согласился принц, всё ещё пристально рассматривающий Альберта, – ты прав, я, как всегда, погорячился.

– Я тоже прошу прощения за невежливость, – обратился тем временем к Берту маг, – я Бэйл, странствующий учёный, бард, лекарь и всего остального понемножку. Мы прибыли в Эппл-Гроув в поисках старинной библиотеки, но оказалось, что о ней никто даже не слышал.

По лицам всё ещё стоявших поблизости будущих солдат было чётко видно, что ничего в этом удивительного нет – кому нужна такая абсолютно бесполезная штука, как библиотека. Вещь в крестьянском хозяйстве совершенно лишняя. Вот если бы гости винный погреб искали – тогда да, помогли бы со всем своим удовольствием и старанием. А свалку старых книжек – да хоть заищитесь, только сами.

– Может быть, мы могли бы поговорить с тобой подробнее, – обратился к Берту принц, – я поделился бы опытом организации гарнизонной службы, и мы обсудили бы, чем ещё я могу помочь. Ведь в общем-то устройство гарнизонов – оно во всех странах одинаковое.

Берт благодарно кивнул и, отправив обрадовавшихся парней помогать на кухне, вместе с Фарузом зашагал к себе: в выбранную им почти пустую комнату над конюшней. Все мои попытки предложить Берту обустроить себе комнату в доме разбивались о его непоколебимую убежденность, что в замке ему не место, не говоря уже о гостевом доме, где жили мы с тётушкой. А тут и ему мешать никто не будет, и он никого не побеспокоит.

Проводив взглядом принца и капрала, я взглянула на Бэйла и почему-то подумала, что Фаруз специально увёл Берта, чтобы дать нам возможность поговорить наедине. Вроде бы ничто не говорило в пользу этой версии, но подозрительность медленно и верно становилась моим вторым «я».

– Леди Кэтрин, – обратился ко мне Бэйл, и я, хоть и думала о нём, вздрогнула от неожиданности, – я хотел бы поговорить с вами, если позволите.

– О чём? – я обещала тётушке сегодня по возможности не опаздывать к обеду, поэтому к долгим разговорам была не слишком расположена. Хотя в последнее время мои личные желания как-то имеют всё меньше и меньше значения. К чему бы это? Наверное, к дождю...

– О том, что свело всех нас вместе в этом замке, – взгляд странных светлых глаз был внимательным и каким-то... не молодым, что ли. Это был взгляд человека, очень много прожившего и видевшего то, о чём лучше даже не знать.

– Хорошо, – я, подумав, кивнула, – при условии, что обмен информацией будет если уж не равноценным, то хотя бы относительно честным.

– Это справедливое условие, – согласился он и уточнил, – где мы можем поговорить?

– Давайте так, лорд Бэйл, – не обращая внимания на его недовольную гримасу, сказала я, – вы сейчас проводите меня к дому, я представлю вас тётушке как... скажем, странствующего целителя и менестреля. Боюсь, к информации о том, что вы маг, тётушка пока не готова. Заодно присмотрите себе комнату в доме: не могу же я вам и принцу позволить жить над конюшней или в разрушенном замке. Да и вы, полагаю, всё же привыкли к комфорту, хотя бы относительному. Кроме того, там у нас будет возможность спокойно побеседовать, так как в замке я нахожусь лишь до темноты, а вечера стараюсь проводить в доме.

– Буду искренне признателен вам за такую возможность, леди Кэтрин, – церемонно поклонился Бэйл, – если вы уверены, что моё присутствие не обременит вас. В ином случае, мы можем разместиться и в трактире, где остановились сопровождающие принца Фаруза.

– Думаю, со всех сторон будет разумнее, если вы воспользуетесь нашим гостеприимством, – я улыбнулась, хотя это плетение словесных кружев начало утомлять: и так ведь понятно, что останутся они с принцем у нас, так чего переливать из пустого в порожнее?

Видимо, на моём лице всё же мелькнуло отражение мыслей, так как Бэйл, усмехнувшись, перестал рассуждать и только уточнил:

– Принц сможет потом найти нас?

– Конечно, Альберт покажет ему дорогу или даже составит ему компанию. Он иногда остаётся у нас на ужин, хотя и страшно смущается.

Мы с Бэйлом вышли из ворот замка и неспешно пошли в сторону дома, беседуя на совершенно нейтральные темы: яблоневые сады, прогнозы на урожай, сложности ремонта... Он оказался очень приятным собеседником, умеющим слушать, внимательным и остроумным. Я вдруг поймала себя на мысли, что почти перестала осторожничать во время разговора и что ещё чуть-чуть, и я начну рассказывать о событиях последних дней. Подозрительно покосившись на своего спутника, беззаботно грызущего какую-то сорванную по пути травинку, я резко замолчала.

– Леди Кэтрин, – начал Бэйл разговор, ради которого, видимо, и остался со мной наедине, – вы в начале нашего знакомства сказали, что в последнее время происходили странные события, которые вынудили вас с настороженностью отнестись к нашим словам... тогда, в самом начале, помните?

– Это когда вы говорили о поисках библиотеки? – я позволила себе улыбку, хотя внутренне постаралась максимально сосредоточиться. – Да, я помню... и это действительно так.

– Могу ли я высказать предположение? – всё так же церемонно поинтересовался Бэйл, и я почувствовала непреодолимое желание стукнуть его: ведь мы оба понимаем, о чём пойдёт речь, так зачем все эти хороводы?

– Можно подумать, если я скажу «нет», вы промолчите, – я не собиралась скрывать своё недовольство, – Фаруз сказал слишком много для того, чтобы мы оба продолжали делать вид, будто ваш визит продиктован действительно поисками книги.

– Вы можете не верить, но это действительно так, – не обращая внимания на моё недовольство, сказал Бэйл, – мне действительно необходима книга, хранящаяся, насколько я знаю, именно в вашем замке. Мой источник информации вполне... достоин доверия. Вполне вероятно, что это тот же гримуар, который нужен Фарузу, а может, и нет. Невозможно предугадать, что скрывает ПрОклятый замок....

– Скажите, лорд Бэйл, – я решила, что стоит рискнуть, иначе этот бард будет ещё неделю ходить вокруг да около, – вам о чёмнибудь говорят такие имена, как Дева, Воин, Творец... Мечтатель... Пастух...

Последние слова я договорила, запинаясь, глядя на то, как с каждым словом на лицо моего спутника наползает смертельная бледность.

10

10

Графство Мабридж, поместье Эппл-Гроув,

комната над библиотекой,

29 мая 1409 года от Последней Битвы (ПБ)

Миленькие занавесочки в мелкий голубой цветочек слегка раздувал тёплый летний вечер, наполненный ароматом отцветающих яблоневых садов. Скромная по столичным меркам, но вполне приличная для провинции комната была уютной и какой-то очень и очень домашней. В ней хотелось отдыхать, неторопливо читать толстый роман или разговаривать о чём-нибудь приятном и совершенно необременительном.

Мужчина, стоявший у окна, закрыл створки, напоследок глубоко вдохнув пьянящий запах. Он успел оценить все прелести предложенной ему хозяйкой комнаты и, пообещав спуститься к ужину, наконец-то остался один. Заперев дверь на достаточно крепкий засов, он положил на стул выдавший виды и явно знавший лучшие времена походный мешок. Привычно, почти не задумываясь, сотворил охранный знак, повесив на дверь и окна маскирующие магию заклинания. Колдовалось в Истралии на удивление легко: магия свободно струилась в воздухе, нужно было только зачерпнуть её. Почему же маги покинули этот благословенный для них край? Это он тоже выяснит... А сейчас...

Назвавшийся Бэйлом мужчина задумался, затем осторожными, но уверенными движениями начертил на большом столе пентаграмму. Штрихи ложились ровно и чётко, было видно, что он занимается привычным, хорошо знакомым делом. Критически осмотрев небольшую пентаграмму, Бэйл подправил пару и без того кажущихся безупречными линий и поставил по углам рисунка свечи. Подумал, зачем-то поменял две из них местами и наконец-то удовлетворённо кивнул сам себе.

Низким вибрирующим голосом он произнёс несколько слов на неизвестном языке, и необычно светлые глаза налились мертвенной зеленью, а над пентаграммой поднялось такое же жуткое зеленоватое облачко. Медленно закручиваясь в воронку, оно скользило по краям пентаграммы, совершенно откровенно пытаясь вырваться за её границы, но маг никак не реагировал на эти метания.

Поняв, что все попытки освободиться бесполезны, воронка вытянулась, потом округлилась, приняв вид изумительно красивого женского лица. Впечатление слегка портили мертвенно-зелёный цвет и искривившая губы злая усмешка, но в остальном она была потрясающе хороша.

– Что ты хочешь от меня, изгнанник? – прошипела она, с ненавистью глядя на мага. – Когда уже ты оставишь меня в покое? Или, – тут она мстительно улыбнулась, – присоединишься ко мне?

– Мне не интересны твои выпады, Лея, – спокойно ответил Бэйл, – я вызвал тебя, чтобы задать вопрос. Ответь – и я отпущу тебя.

– Совсем отпустишь? – она недоверчиво изогнула безупречные брови. – Как-то не верится...

– На сегодня, – равнодушно ответил маг, – и постараюсь не беспокоить без особой надобности.

– Спрашивай, отрёкшийся, – прищурившись, сказала она и улыбнулась, оскалив острые зубы, – но побыстрее.

– Дева, Пастух, Воин, Творец, Мечтатель... – называя эти имена, Бэйл пристально следил за выражением лица и глаз призванного духа, видимо, надеясь увидеть что-то обнадёживающее, но с трудом сдержал глухой стон, когда глаза Леи, той, что когда-то была ему так дорога, вспыхнули злым торжеством.

– Началось! – прошипела она, и восторг осветил её лицо, сделав его невероятно прекрасным и одухотворённым. – Началось!

– Что ты знаешь об этом? – голос спрашивающего был спокоен, холоден и равнодушен.

– Пришёл час, когда этот никчемный мир, предавший нас и выбросивший, словно старую ненужную вещь, заплатит за всё, – глаза призванного духа ярко горели, напоминая зелёные огни, которые заводят в болото неосторожного путника, если тому вдруг придёт в голову блажь свернуть с тропинки.

– Кто эти избранные? – задал следующий вопрос Бэйл, незаметно вливая в пентаграмму ещё несколько капель силы.

Дух прикрыл глаза, а когда неизвестная красавица Лея открыла их снова, в них смешались удивление, злорадство и мстительное торжество. Она оскалила острые треугольные зубы и уверенно прошипела:

– Ты оказался одним из них! Не отрицай, потому что иначе ты никогда не узнал бы этих имён. Кто же из них ты, изгнанник? Воин? Нет... Творец? Смешно... Мечтатель? Ещё смешнее...

– Ты ошибаешься, – по-прежнему равнодушно пожал плечами Бэйл, и лишь пальцы сильнее стиснули рукоять ритуального кинжала, – я не участвую в коллективных играх, ты же знаешь – я одиночка.

– Знаю, – продолжал скалиться дух, – но ты можешь лгать кому-нибудь другому, но не мне.

– Так ты знаешь что-нибудь о них? – повторил вопрос маг. – Если нет – я отправляю тебя обратно. Без платы.

– Как это – без платы? – заволновался дух красавицы Леи. – Так нельзя, это против правил...

– А когда это меня интересовали правила? – насмешливо поднял бровь Бэйл.

– Верно, никогда, – на призрачном лице промелькнули эмоции, который маг не смог расшифровать, а потом и думать о них забыл, так как Лея сказала, став чрезвычайно серьёзной и отбросив привычные не то спор, не то флирт с Бэйлом, – это пятеро, в чьих руках волей богов окажутся судьбы мира. Они должны собрать части Короны, которую затем возложить на голову Короля.

– Корону Короля? – переспросил задумавшийся Бэйл. – Её не существует, как всем известно.

– Ну так и пророчества тоже не существует, – скорчила презрительную гримаску Лея, – тебе ли не знать!

– Кто поведёт их? – резко спросил Бэйл, видя, что свечи уже на три четверти истаяли, и у него осталось несколько секунд.

– Пастух, – прошипел дух, и черты лица стали размываться, постепенно растворяясь в тумане, и вскоре внутри пентаграммы снова крутилась лишь зеленоватая воронка.

– Пастух... – задумчиво проговорил Бэйл, когда лёгкий зеленоватый дымок окончательно развеялся над пентаграммой, – неужели это именно то, на что намекала старая ведьма, чтоб её Пятилапый прибрал скорее...

Он запустил руку в волосы и прикрыл глаза, пытаясь сосредоточиться и прогнать из сердца тревогу, которая поселилась там с того момента, как старый мошенник произнёс название этого замка – Эппл-Гроув. Именно тогда в сердце некроманта, который видел в этой жизни всё и даже больше, возникла тупая заноза, которую не удавалось изгнать ни логическими рассуждениями, ни заклинаниями. Она саднила и мешала спокойно заниматься своими делами, которых тоже было немало.

Мужчина, называвший себя Бэйлом, действительно собирался всего лишь взять в замковой библиотеке старый фолиант, в котором находились необходимые заклинания. С их помощью он надеялся наконец-то окончательно порвать с прошлым к восторгу тех, кто до сих пор призывал его восстановить справедливость и вернуть себе то, от чего когда-то он вынужден был отказаться.

Он не хотел ни власти, ни титула, но отдавать мир, за который он отвечал по праву крови, таким, как Шару, Бэйл был не готов. Не настолько ещё покрылось его сердце панцирем равнодушия и безразличия к судьбам мира.

Поэтому, почувствовав присутствие Шару в Эф-Риссаре, Бэйл принял окончательное решение вернуться. Оставалось лишь найти книгу с древними заклинаниями, которые необходимы для ритуала. Новость о том, что Шару стал наставником юного принца Фаруза, заставила Бэйла насторожиться: значило ли это, что захват мира Шару решил начать с Эф-Риссара, или это просто маскировка?

Известие о том, что принц отплывает на «Золотой чайке» из Сантины, Бэйлу принёс Шахран: верный ургейс всегда старался прислушиваться к сплетням, слухам, разговорам на улицах. Ведь кто обращает внимание на мгновенный пылевой всплеск – да никто.

Привлечь к себе внимание, познакомиться с юношей, сделать так, чтобы он сам пригласил его в попутчики – всё это было делом техники и не составило для Бэйла ни малейшего труда. Ему даже не пришлось пользоваться магией.

Выяснив, что целью юноши тоже является загадочный Эппл-Гроув, Бэйл пришёл к выводу, что Шару охотится за той же книгой, что и сам некромант. Это, с одной стороны, усложняло задачу, а с другой – упрощало, так как искать гримуар и одновременно находиться рядом с Фарузом было бы непросто даже для Бэйла.

Рассказав юноше часть правды – самую безопасную её часть – Бэйл договорился с принцем, что в замок они придут вместе, найдут библиотеку, перевернув для этого весь замок, если понадобится. А там видно будет... Как говорили древние, «два умных человека всегда смогут договориться». А если не смогут – ну, значит, останется один умный человек, тот, который лучше владеет оружием и меньше обременён принципами.

И вот все планы нарушены...

Пятеро... Старое, покрытое мхами древности предсказание, о котором большинство даже не слышало. Разве что дотошные студенты, изучающие историю магии, читали о нём, да и то, запомнив имена для экзамена, тут же забывали. А Бэйл помнил...

Он знал об этом пророчестве всё: именно о нём когда-то в магическом трансе поведала тогда ещё юному принцу демонов Аш-Рибэйлу старая сторбленная ведьма, которую они подобрали во время патрулирования на границе миров. Тогда она схватила его за руку и, уставившись бельмами невидящих глаз, прошептала:

– Придёт день, и исполнится пророчество безумного Фелиэна, и ты взвалишь на плечи тьму и свет, но будешь не один. Ещё трое с королевской кровью в жилах встанут рядом, а пятый будет вам щитом. И придётся вам удержать рушащийся мир, и найдёте вы Корону Короля, и наденете на достойного. Или всех ждёт гибель.

Тогда юный принц посмеялся, но пророчество изучил, с любопытством прочитав историю, больше похожую на сказку. И вот сейчас, спустя больше полувека, эти имена из пророчества снова прозвучали. И всё связано с этим замком, с Эппл-Гроув. Бэйл тряхнул головой но, вспомнив радость призванного духа, нахмурился. Слишком мало сведений, слишком мало!

– Ваша милость, – послышался из-за двери голос смешливой служаночки, кажется, Аниты, которая, насколько успел понять Бэйл, была также и горничной Кэтрин, – вас ожидают к обеду.

Бэйл вздохнул, но, понимая неизбежность данного мероприятия с его неизбежными разговорами ни о чём, взаимными расшаркиваниями и прочей светской чепухой, вышел из комнаты.

Горничная заинтересованно стрельнула в него глазками, кокетливо улыбнулась и провела в небольшую уютную столовую. В центре стоял изящный овальный стол, накрытый белоснежной скатертью, а на нём разместились большая супница и несколько комплектов тарелок и столовых приборов.

Бэйл нерешительно остановился у порога, но ему навстречу уже встала Кэтрин, которую он просто не заметил, занятый рассматриванием стола. Девушка улыбнулась Бэйлу и жестом пригласила за собой. Некромант кивнул и послушно последовал за хозяйкой дома.

– Тётушка Маргарет, – тепло обратилась Кэтрин к дремавшей в кресле-качалке пожилой леди, – у нас гости.

– Гости? – тут же открыла глаза тётушка и, увидев Бэйла, подняла глаза к небу. – Благодарю вас, боги, вы слышали мои молитвы, и порог этого дома переступил мужчина, из которого не сыплется песок и который не курит сигары. Вы же не курите сигары? – тут пожилая леди вперила в Бэйла такой суровый взгляд, что он подумал о том, что даже если бы курил, то мгновенно отказался бы от этой вредной привычки.

– Тётушка Маргарет, ты даже не познакомилась с нашим гостем, а уже пугаешь его, – Кэтрин укоризненно, но мягко улыбнулась тётушке, – позволь тебе представить нашего нового друга – лорда Бэйла. Он странствующий учёный, бард и лекарь. Пожалуйста, не пытайся пристроить его в хорошие руки – дай ему пожить счастливо. Лорд Бэйл, это моя тётушка, леди Маргарет Уилфрид.

– Леди, польщён знакомством, – любезно сказал Бэйл, с удивлением глядя на этих, судя по всему, совершенно чуждых условностям света женщин – пожилую и совсем юную.

– Тогда, если все со всем познакомились, то давайте обедать, – решительно сказала пожилая леди, но остановилась, глядя на стол с определённым недоумением, – Кэтрин, мы кроме милого Альберта и лорда Бэйла ждём кого-то ещё?

– Ох, я совсем забыла сказать, – Кэтрин досадливо поморщилась, – вместе с Альбертом, скорее всего, придёт ещё один гость – странствующий инкогнито эф-риссарский принц Фаруз. Это тот, который ненаследный, насколько я поняла, – поспешила добавить Кэтрин.

– Принц, – опускаясь в кресло, проговорила тётушка Маргарет с непередаваемой интонацией, – у нас, в Эппл-Гроув... Как мило. И что он тут потерял, скажи мне на милость?

– Можно подумать, это я его сюда позвала, – спокойно отозвалась Кэтрин, выглядывая в окно, – пока ждём остальных, лорд Бэйл, может быть, нальёте нам вина? Это лёгкое местное яблочное – оно должно вам понравиться.

– А что принц... холост? – вроде бы небрежно поинтересовалась леди Маргарет.

– Тётушка! – с упрёком покачала головой Кэтрин. – Кто о чём, а ты о своём, ну как тебе не стыдно? Что подумает лорд Бэйл?

– Кстати, он тоже ещё очень даже ничего, – почти не понижая голоса, сказала старая леди, оценивающе рассматривая Бэйла, и тому стало гораздо неудобнее, чем когда-то на поле битвы.

– Тётя! – возмущённо воскликнула Кэтрин и покраснела. – Ну как ты себя ведёшь?

– Я гораздо старше, чем кажусь, – поторопился сообщить Бэйл, пока его не связали и не оттащили к алтарю, – просто хорошо сохранился.

– Великолепно, – невозмутимо ответила леди Маргарет, – хорошая наследственность – это очень важно.

«Надо было остановиться в трактире» – с тоской подумал Бэйл, но тут заметил в глазах леди Маргарет пляшущих чертенят и понял, что его банально разыгрывают.

– Но тогда, леди, возможно, вы не откажете мне в скромной просьбе? – Бэйл улыбнулся леди Маргарет и подошёл, чтобы налить ей вина, – и не разобьёте тем самым мне сердце?

– И что же это за просьба? Говорите, хитрец, – пожилая леди прищурилась и с нескрываемым интересом взглянула на гостя, – и не спорьте – я вижу, что вы проныра, каких поискать.

– Вы позволите мне то время, которое я проведу в вашем гостеприимном доме, быть вашим верным поклонником и рыцарем? – некромант галантно склонился к руке леди Маргарет и запечатлел на ней лёгкий поцелуй.

– А он ещё и умён, – прокомментировала она, обращаясь к Кэтрин, которая с лёгкой улыбкой наблюдала за этой сценой, – как изящно выкрутился! Ну что же, лорд Бэйл, я не могу отказать вам. На то время, что вы проведёте у нас в гостях, вам дозволяется быть моим кавалером.

– Благодарю вас, леди Маргарет, – Бэйл вдруг почувствовал, как слегка разжимаются ледяные когти, стиснувшие его сердце после сеанса связи с духом Леи, – вы сделали меня счастливейшим из смертных.

Ни к чему этой очаровательной старой леди знать, что со смертью у её новоявленного поклонника свои давние и достаточно непростые отношения. Он постарается, чтобы её это никак не коснулось и даже немного подлечит усталое сердце этой удивительной женщины: это вполне в его силах, ведь любой некромант – немного лекарь... если захочет.

– А вот и Альберт, – воскликнула Кэтрин, взглянув в окно, – и с ним принц Фаруз. Тётушка, я тебя очень прошу – не надо сразу пытаться сосватать мне принца, хорошо?

– Хорошо, – невозмутимо согласилась леди Маргарет, – сначала я дам ему пообедать. Ты права – сытого мужчину проще уговорить.

Кэтрин ничего не сказала, лишь возвела глаза к потолку с видом мученицы, покачала головой и вздохнув, повернулась, чтобы встретить гостей.

– Альберт, мы вас ждали, – гостеприимно улыбнулась девушка вновь прибывшим, – ваше высочество, проходите и, пожалуйста, располагайтесь, как вам будет удобно. У нас всё попростому, без церемоний.

– Я уже просил: называйте меня просто Фаруз, – принц мягко улыбнулся, – тем более, что я тоже сторонник общения без церемоний, как вы это очень точно назвали.

– Позвольте представить вам мою тётушку, леди Маргарет Уилфрид, – Кэтрин подвела принца к креслу, в котором с видом королевы восседала её пожилая родственница.

– Тётушка – это...

– Лорд Фаруз, – опередил её принц, склоняясь к руке леди Маргарет, – леди, я восхищён и покорён, ибо никакие прекраснейшие цветы в садах небесных не смогут сравниться по утончённости и благородству с вами и недостойны даже устилать дороги, по которым ступаете вы...

– Благодарю, лорд, – наклон седой головы тоже был поистине королевским, – а теперь, если вас не затруднит, переведите, пожалуйста, то, что вы сказали, с образного эф-риссарского на нормальный италийский. Надеюсь, моя просьба не покажется вам невежливой: просто мы в нашей глуши не привыкли к столь цветистым комплиментам.

Кэтрин возмущённо всплеснула руками, но промолчала, повинувшись жесту старой леди, а Бэйл с трудом удержал усмешку: до того озадаченный вид был у принца. Впрочем, тот быстро пришёл в себя и, опустившись на ковёр и скрестив ноги на эф-риссарский манер, медленно, нараспев проговорил:

– В небесных садах, как вы понимаете, цветут исключительно великолепные цветы, красоту которых невозможно описать словами. Но вы гораздо благороднее и красивее всех этих цветов вместе взятых. И для них было бы истинным счастьем, если бы они могли лежать на тропинках парка, по которому вы захотите прогуляться. Я использовал эти сравнения, чтобы максимально выразить вам своё восхищение, о эр-раджани! Предупреждая ваш вопрос, сразу поясню: так у меня дома называют старшую женщину в семье, ту, которую уважают и ценят превыше остальных. Смею ли я надеяться, что это сравнение было уже не столь излишне цветистым?

– И этот неглуп, – негромко сказала леди Маргарет, обращаясь к Кэтрин, – к тому же моложе, что немаловажно.

– Тётушка, ты обещала! – воскликнула девушка, возмущённо покраснев. – Что за навязчивая идея!

– Могу я узнать, о чём идёт речь? – принц с недоумением переводил взгляд с невозмутимой леди Маргарет на пышущую негодованием Кэтрин.

– У меня достаточно остро стоит вопрос замужества, знаете ли, – голосом заговорщика поведала принцу леди Маргарет, – прямо беда.

– У вас? – и без того большие глаза Фаруза сделались совершенно круглыми.

– А что вас так удивляет? – леди Маргарет внимательно смотрела на юношу. – Не вы ли мне буквально пять минут назад рассказывали о моей исключительности и сравнивали с цветами невозможной красоты? Или вы лгали?

– Нет, конечно, – принц по-прежнему сидел на ковре, – просто...несколько неожиданно...

– Да вы не волнуйтесь, лорд Фаруз, – тётушка легкомысленно махнула рукой, – у меня уже есть поклонник, и я не планирую его кем-то заменять. Верно, лорд Бэйл?

– Разумеется, моя леди, – Бэйл склонился над рукой леди Маргарет, пряча улыбку и пытаясь вспомнить, когда в последний раз ему было так спокойно и хорошо, как в этой небольшой столовой рядом с этими женщинами?

– Бэйл?! – воскликнул потрясённый принц и растерянно посмотрел на некроманта. – Ты?

– Да, мой друг, – поддержал игру старой леди Бэйл и пожал плечами, – я был так покорён леди Маргарет, что тут же предложил себя в качестве верного рыцаря на всё время, пока мы пробудем в этом гостеприимном доме. А ты составишь пару леди Кэтрин, ибо Альберт больше занят службой.

– Да не по мне все эти ухаживания, – багрово покраснел Берт и покосился на окно, в котором была видна Анита, поливающая в палисаднике буйно цветущие пионы, – да и вообще...

– Ну а что, очень даже симпатичное «вообще», – внезапно поддержал капрала Фаруз, – и я совершенно не возражаю против того, чтобы побыть вашим рыцарем, леди Кэтрин.

– Давайте лучше обедать, – Кэтрин укоризненно посмотрела на тётушку, которая безмятежно рассматривала плывущие за окном облака, – а потом поговорим о делах.

Беседа за столом, к приятному удивлению Бэйла, не была ни скучной, ни «светской» в худшем понимании этого слова: Кэтрин рассказывала о знаменитых яблоневых садах, леди Маргарет вспоминала истории из их с Кэтрин путешествия с севера в Мабридж, а Фаруз поведал несколько красивых эф-риссарских легенд.

После обеда леди Маргарет простилась с молодёжью и, сопровождаемая Бэйлом, передавшим её с рук на руки верной Бетси, отправилась отдохнуть.

Когда некромант вернулся, все четверо расположились в креслах на террасе с видом на отцветающие сады.

– Леди Кэтрин, – взял слово Бэйл как самый старший в компании, – полагаю, нам стоит обсудить сложившуюся ситуацию и поделиться имеющимися знаниями. Возможно, это поможет сложить хотя бы более или менее цельную картину.

Никто не стал возражать, и начать решили с того, что произошло здесь, в Эппл-Гроув.

Альберт полностью доверил изложение событий Кэтрин, сославшись на своё плохое умение говорить чётко и правильно, хотя девушка и могла бы с ним поспорить.

Кэтрин достаточно коротко рассказала о том, как провалилась земля во внутреннем дворе, про то, как она туда чуть не упала и лишь ловкость вовремя появившегося Берта спасла её, про господина Пчиххельса, о котором никто из присутствующих никогда даже не слышал. Постаралась дословно вспомнить, что именно говорил страж лестницы о Пятерых, как он доказывал, что Берг – Мечтатель, а она сама – Дева. Умолчала Кэтрин только о своей королевской крови: есть сведения, которые лучше до поры до времени держать при себе. Всё-таки Фаруз из императорской семьи, мало ли – решит поделиться с истралийским королём, по-своему, по-королевски... Тем более, что все в Истралии знали, что королевич Мартин вскоре женится на эф-риссарской принцессе.

– Итак, – выслушав Кэтрин и помолчав, задумчиво проговорил Бэйл, – значит, вы, леди Кэтрин, и есть та самая Дева из пророчества Фелиэна, которого кто-то называет Мудрым, а кто-то – Безумным. Но нам от этого, как говорится, не жарко и не холодно. Пророчество есть, и от него никуда не денешься. Я бы мог ещё порассуждать о его спорности, если бы предсказание не свело нас всех вместе в этом замке. Согласитесь, иначе как судьбой это не назовёшь.

– Если я правильно понимаю, то каждый из нас является одним из героев этого пророчества? – уточнил чрезвычайно серьёзный Фаруз, – если Альберт – Мечтатель, но кто мы с тобой, Бэйл? И кто ещё должен к нам присоединиться?

– Полагаю, что ты – Воин, Фаруз, – уверенно сказал Бэйл, глядя на принца, – и, мне кажется, твоя очередь рассказать нам всё, что тебе известно о пророчестве.

– Боюсь показаться лжецом, но я о пророчестве впервые услышал только здесь, от вас, – принц обвёл взглядом присутствующих, – я стремился в Эппл-Гроув исключительно в поисках древней книги, которая нужна моему наставнику.

– Но теперь вы понимаете, лорд Фаруз, что судьба привела вас сюда не случайно? – взволнованно проговорила Кэтрин, глядя на принца, – я не знаю, насколько тесно связаны ваша изначальная цель и пророчество, но почему-то мне кажется, что они тесно переплетены. Я даже сама не могу объяснить причину своей уверенности. А ещё я знаю, – тут голос Кэтрин приобрёл какую-то непривычную напевность, а взгляд затуманился, – что наши судьбы навек связаны, и что мы вместе пройдем предопределённый путь, чтобы в конце найти победу или смерть...

Произнеся эти слова, девушка побледнела и пошатнулась.

– О чём вы, леди Кэтрин? – встревоженно спросил успевший подхватить её Берг, – вы так странно говорили...

– А... что я говорила? – Кэтрин беспомощно оглядела вскочивших со своих мест мужчин. – Я не помню... Я говорила о книге, которую нужно найти его высочеству... Я что-то сказала ещё?

– Похоже, каждый из нас получает или развивает ту способность, которая у него есть изначально! – воскликнул Фаруз. – Альберт всегда мечтал, но теперь его желания могут воплощаться в жизнь. Леди Кэтрин, вы наверняка всегда отличались очень развитой интуицией, верно?

Кэтрин пожала плечами и не очень уверенно проговорила:

– Ну, наверное, я иногда чувствовала, что в то или иное место не нужно идти, или наоборот... Но это ведь всё совершенно несерьёзно, правда?

– Возможно, – заговорил Бэйл, и все повернулись в его сторону, – теперь ваш дар, леди, превратится в нечто, что можно будет со временем назвать предвидением.

– А что я сказала? – Кэтрин встревоженно смотрела на мужчин. – Что-то важное?

– Вы сказали, леди, что мы все связаны навеки и что в конце пути нас ждут победа или смерть... – Бэйл внимательно рассматривал девушку, не зная, как её подбодрить.

– А какова твоя роль, Бэйл? – принц деликатно перевёл внимание присутствующих от Кэтрин к Бэйлу, за что девушка была ему искренне признательна: новость о пробуждающихся способностях слегка выбила её из состояния равновесия.

– Полагаю, я Пастух, – спокойно пожал плечами Бэйл, – потому что я точно не Творец и не Мечтатель. Я мог бы поспорить с Фарузом за звание Воина, но, полагаю, в поединке я могу ему и уступить. Я неплохо сражаюсь, но моя сила в другом.

– В чём? – спросила Кэтрин, и по её дрогнувшему голосу было понятно, что она не очень хочет услышать ответ, но и не спросить не может.

– В магии, – спокойно ответил Бэйл, – я сильный... я очень сильный маг...

– Но в Истралии нет магии, – прошептала Кэтрин, словно цепляясь за последнюю возможность сохранить вокруг привычный и спокойный мир.

– В Истралии полно магии, поверьте мне, леди, – мягко улыбнулся Бэйл, – ею здесь пропитан воздух, она витает вокруг...

– Я верю вам, – она улыбнулась некроманту, – то есть, если я правильно понимаю, нам предстоит дождаться пятого участника этой безумной авантюры, спуститься в подземный ход, пройти по... – тут девушка невольно запнулась, – по другим мирам, найти фрагменты загадочной Короны Королей и самого Короля, который пока неизвестно где вообще находится, впихнуть ему эту самую Корону, даже если он будет сопротивляться, и попытаться вернуться домой. Я ничего не пропустила?

– Звучит неплохо, – хмыкнул принц, но как-то невесело, – главное, чтобы в конце было, как в старых сказаниях: «и жили они долго и счастливо».

– Альберт, а ты не можешь попробовать помечтать о том, чтобы мы побыстрее нашли эту Корону? – с надеждой попросила Кэтрин, умоляюще сложив ладони перед грудью. – Ну пожалуйста!

– Я попробую, – здоровенный капрал, слегка смутившись, закрыл глаза и сосредоточился. Потом нахмурился, покраснел и через несколько секунд бессильно уронил руки на колени.

– Не получается, – огорчённо сказал он и попросил, – вы уж не сердчайте, леди Кэтрин, я правда очень старался, но...

– Но почему же у тебя не получается? – расстроено спросила девушка, которая, видимо, ждала, что сейчас перед ними на столе материализуется легендарная Корона Королей. – Ты не знаешь? Альберт? Альберт!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.